

Другая правда. Том 2

Автор:

Александра Маринина

Другая правда. Том 2

Александра Маринина

Каменская #33

50-й, юбилейный роман Александры Марининой.

Впервые Анастасия Каменская изучает старое уголовное дело по реальному преступлению. Осужденный по нему до сих пор отбывает наказание в исправительном учреждении.

С детства мы привыкли верить, что правда – одна. Она?– как белый камешек в куче черного щебня. Достаточно все перебрать, и обязательно ее найдешь – единственную, неоспоримую, безусловную правду... Но так ли это?

Когда-то давно в московской коммуналке совершено жестокое тройное убийство родителей и ребенка. Подозреваемый сам явился с повинной. Его задержали, состоялось следствие и суд.

По прошествии двадцати лет старое уголовное дело попадает в руки легендарного оперативника в отставке Анастасии Каменской и молодого журналиста Петра Кравченко. Парень считает, что осужденного подставили, и стремится вывести следователей на чистую воду. Тут-то и выясняется, что каждый в этой истории движим своей правдой, порождающей, в свою очередь, тысячи видов лжи...

Александра Маринина

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Алексеева М. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 9

Среда

Игорь Дорошин собрался было оставить Настю в комнате, где перед началом концерта приятно проводили время самые близкие из гостей его родителей, но та отказалась наотрез.

– Я никого не знаю, зачем мне там сидеть? Даже поговорить не с кем. И меня тоже никто не знает, начнут пялиться и шушукаться, гадать, кто я такая, откуда взялась. Не люблю этого.

– Там есть еще один человек, которого эти люди никогда не видели, – улыбнулся Игорь. – Моя нынешняя дама сердца. Она ужасно стесняется, и я подумал, что вы сможете ее как-то подбодрить.

Дама сердца. Значит, до сих пор не женат? Или открыто погуливает? Развелся? Спросить напрямую Насте было отчего-то неловко, но она точно помнила, что лет десять назад Игорь вроде бы женился. Во всяком случае, разговор о женитьбе был, но вот состоялась ли она...

– Вы садист, – усмехнулась Настя. – Оставить девушку, не имеющую твердо определенной социально-правовой позиции, в кругу любопытных – это для нее нешуточное испытание. За что ж вы ее так наказываете?

– Я не наказываю, я ее тренирую, – вполне серьезно ответил Игорь. – Очень надеюсь, что мы будем вместе долго, и без контактов с моей мамулей девушке не обойтись. Пусть привыкает потихонечку. Моя мамуля – человек довольно специфический, нужно иметь хорошие навыки, чтобы не вызвать на свою голову эмоциональную бурю. Правда, сейчас мамули в той комнате нет, она с отцом за кулисами, настраивает его, вдохновляет, сама готовится, одним словом, все как обычно. Но ее и папины ближайшие друзья как раз там тусуются, так что первое, самое приблизительное представление об этой прослойке творческой интеллигенции девушка сможет получить.

Он внезапно рассмеялся и подхватил Настю под локоть точно таким же движением, каким ее всего несколько дней назад брал под руку писатель Владимир Климм.

– Ну похвалите же меня, Анастасия Павловна! – проговорил он сквозь смех. – Оцените, какие фразы я начал строить! «Приблизительное представление о прослойке творческой интеллигенции» – просто умереть и не встать. Уроки бабушки Илоны даром не прошли.

– Бабушка Илона? – переспросила она. – Кто это?

– Есть в нашем доме такая милая старушка, филолог, доктор наук. Она мне очень помогла с текстом о кошках, я ведь ноты складываю более или менее прилично, а вот со словами в письменном виде не задалось, – Игорь вздохнул. – Привык служебные документы составлять, так что язык кондовый. Когда у меня

набралось достаточно материалов для исследования поведения кошек, я начал писать и через какое-то время понял, что читать это будет невозможно. Сплошная канцелярщина. Языком молоть – не канавы копать, тут я еще могу за умного сойти, хоть и не без труда, а как за ручку возьмешься или на клавиатуру посмотришь, так сразу полный ступор.

Да, все верно, Настя вспомнила, что Игорь напичкал свою квартиру множеством пишущих видеокамер, чтобы иметь возможность наблюдать за поведением своих питомцев в отсутствие хозяина. Он собирался написать целый труд по зоопсихологии, но тогда, много лет назад, Настя в это не очень-то верила. Неужели напрасно не верила? Сколько у него в тот момент было кошек? Пять, кажется.

– Сколько у вас сейчас зверей?

– Трое, но через пару недель жду пополнения. Из тех, кого вы видели, остался только Айсор, такой черный-черный с зелеными глазами, помните? Остальные ушли на радугу. Да и Айсор уже старичок, ему шестнадцать, резвость теряет, ходит плоховато, зрение падает. Кроме него у меня трехлетний котик, сибиряк, и его молодая беременная жена.

– Неужели всех котят оставите? Или будете раздавать?

– Смотря сколько душ в окоте получится. Себе я запланировал оставить двоих как минимум, но девушка просит троих. Остальных раздам.

– Ваша девушка тоже кошатница?

– Она ветврач. Ну так как, Анастасия Павловна? Ваше последнее слово: будете опекать мою даму? Или бросите ее на произвол судьбы?

И, заметив ее колебания, добавил:

– Мне нужно к родителям заскочить хотя бы минут на десять, иначе они меня не простят. Потом обещаю прийти и забрать вас из террариума.

– Не любите вы родительских друзей, как я погляжу, – усмехнулась Настя.

– Они чудесные люди, я их знаю сто лет и умею с ними общаться. Но это не мое. Вы же знаете, я кошек люблю и стариков. И еще музыку.

– Ладно, – со вздохом согласилась Настя. – Ведите меня на эшафот. Приношу жертву только ради вас и вашей девушки. Но если через пятнадцать минут вы не вернетесь, я уйду гулять по фойе. И девушку заберу. Так что будете нас долго искать.

Подруга Игоря Дорошина и впрямь выглядела чужеродным элементом среди женщин, которых нельзя было назвать иначе как дамами, и мужчин, сильно смахивающих на английских лордов. Элегантные вечерние платья, аккуратные прически, жемчуга, никаких бриллиантов или, не приведи господи, пошло-красных рубинов, ухоженные руки, сдержанные голоса, отлично сидящие костюмы, прямые спины, изящные манеры. Запах хорошего кофе, вазы с фруктами, блюда с пирожными. И среди всего этого великолепия – примостившаяся в углу в низком креслице одинокая фигурка худощавой женщины лет сорока. Милое спокойное лицо, внимательные, но немного усталые глаза, экстремально короткая стрижка, волосы облегают голову, как тонкий шлем. И никаких украшений ни в ушах, ни на шее, ни на пальцах. «Мы с ней – два сапога пара, – подумала Настя. – Я тоже в дизайн не вписываюсь, потратила десять минут на переодевание и еще пять на то, чтобы чуть-чуть подкрасить глаза и губы, исключительно ради приличия».

Едва Игорь сделал пару шагов от двери в сторону кресла в углу, как раздался звучный голос:

– Игорек, ты был у них? Как они?

– Прошу прощения, не успел, встречал гостей, – торопливо ответил он. – Сейчас иду.

И добавил совсем тихо:

– Надо быстро бежать отсюда, пока никто не вцепился.

На то, чтобы представить женщин друг другу, у него ушло несколько секунд, после чего Дорошин исчез. Женщина по имени Нина растерянно оглянулась, поняла, что рядом нет другого кресла и сесть Насте некуда. Она встала, и Настя

заметила, что движение далось ей с некоторым трудом. «Будний день, – подумала она. – Работала с утра, возможно, оперировала, все время на ногах, устала. Теперь из-за меня ей придется стоять».

– Пойдемте отсюда, – решительно сказала Настя. – Игорю напишем сообщение, укажем, где нас искать. До начала еще долго, в фойе народу пока немного, и я знаю несколько очень уютных уголков, где можно спрятаться и с комфортом посидеть.

На лице Нины показалась слабая благодарная улыбка. Они проскользнули к двери, и Настя спиной ощущала недоуменные и неодобрительные взгляды, бросаемые на них дамами и джентльменами.

Первый же из намеченных «уютных уголков» оказался, к счастью, свободен. Настя вытащила телефон и написала Игорю сообщение.

– Вы знакомы с Татьяной Васильевной? – спросила Нина.

Голос у нее был немного резковатый, с легкой хрипотцой.

– С Татьяной Васильевной? – не поняла Настя. – А кто это?

– Мама Игоря.

Ах да, Татьяна Дорошина, которая «за роялем»... «Что-то я отупела малость к вечеру», – подумала она.

– Нет, не имела чести.

– Игорь так меня напугал, – призналась Нина. – Сказал, что его мама очень сложный человек и нужно иметь совсем особенный характер, чтобы общаться с ней без скандала. Рассказывал, что, когда отец готовится к выступлению, у мамы начинаются Кошмарные Ужасы, и в эти моменты она особенно опасна. Неужели правда? Или он меня на твердость характера проверяет, как вы думаете?

Настя бросила взгляд на ее руки. Ногти обрезаны под корень, пересушенная кожа, гибкие пальцы.

- Вы хирург? - спросила она вместо ответа.

- Да.

- Значит, проверять вас на твердость характера смысла не имеет. Вы давно знакомы с Игорем?

- Полтора года. Ну, плюс-минус. То есть знакомы-то мы намного дольше, впервые я оперировала его кота лет пять назад, потом другого кота лечила, потом кошечку, еще один раз были сложные роды... В общем, как ветеринар и хозяин животного мы давно друг друга знали. А встречаться начали уже после того, как он развелся.

Вот оно как! Стало быть, был женат. Но что-то не срослось. А дети? Есть они или нет?

- А дети? - машинально проговорила она вслух.

- То с бывшей женой, то с нами. Смотря у кого какой график. Вы не думайте, они хорошо расстались, по-человечески, без злобы и ругани. Просто оба сошлись во мнении, что им не нужно быть вместе.

- Родители Игоря помогают с детьми?

- Почти нет. Игорь говорит, что его отец служит академическому вокалу, а мама служит отцу. Зато родители Юли, ну, бывшей жены Игоря, много помогают. Так что все нормально справляются. У меня с детьми отношения хорошие, спасибо Юле, не настраивает их против отца и против меня. Знаете, мне все-таки кажется, что Игорь напрасно меня запугивает сложным характером своей мамы. Если она действительно сконцентрирована только на муже, то ей вообще должно быть наплевать, с кем живет ее сын. Я не права?

- Думаю, что правы, - улыбнулась Настя. - Но я ее совсем не знаю, так что не поручусь. Скажите, Игорь действительно написал свою книгу о поведении

кошек?

Нина подняла на Настю удивленные глаза.

– Конечно.

– Опубликовал?

Нина пожала плечами.

– Нет. А зачем ему это? Он просто сделал работу, которая была ему интересна.

– И что, текст так и валяется в столе? В смысле – висит в компьютере?

– Ну почему же. Игорь все материалы отдал зоопсихологам, пусть пользуются, диссертации пишут, статьи. И всем, кто заинтересуется и захочет прочитать, отдает электронную версию. Правда, Илона Арнольдовна очень бранит его за такое разбазаривание результатов своего труда. Но Игорь – это Игорь, – в голосе Нины зазвучали уважение и безграничная нежность.

Илона Арнольдовна. Та самая бабушка Илона, соседка, доктор наук, филолог. Хорошая тема для разговора. Спрашивать о бывшей жене и детях как-то нехорошо, получится, что Настя выпытывает у третьего лица личную информацию. О чем еще можно поговорить с человеком, который не принадлежит к твоему профессиональному кругу и которого видишь впервые в жизни? А сидеть молча тоже как-то некрасиво, тем более Игорь вроде как поручил свою даму заботам старшего товарища.

О соседке Илоне Арнольдовне Нина знала на удивление много. Настя даже позавидовала такой коммуникабельности, своих соседей она хорошо если в лицо узнавала, да и то далеко не всех. Ученый-филолог была стара и далеко не здорова, почти не выходила из дома, по квартире передвигалась при помощи ходунков, но сохранила ясность ума и душевную энергию, которой хватало не только на то, чтобы помогать Игорю Дорошину с текстами, но и постоянно ворчать и ругать его за небрежное отношение и к собственному труду, и к заработанным деньгам.

– Вы сказали «с текстами», во множественном числе, – заметила Настя. – Игорь пишет еще какую-то книгу? Снова о кошках? Или о музыке?

– А он вам не сказал? Игорь постоянно пишет памятки для пожилых людей, подробно описывает действия мошенников, дает советы, как распознать обман, как не попасться на разводку. Мошенники – люди изобретательные, каждые два-три месяца придумывают что-нибудь новенькое, да вы и сами, наверное, знаете. Игорь регулярно общается с бывшими коллегами, они ему рассказывают, какие новые заморочки появились, а Игорь обновляет памятку, дописывает и делает новый тираж. У него договор с какой-то маленькой типографией, макет он сам делает, а они ему печатают, сколько нужно, и брошюруют. Взял под крыло свой бывший участок и еще два соседних, участковых трясет, чтобы они ему постоянно списки жильцов предоставляли и коды на вход в каждый подъезд. Сам обходит всю территорию и раскладывает новые брошюры в почтовые ящики.

Вот это да! Стройный элегантный красавец в смокинге, бывший офицер, которому родители в далеком детстве прочили карьеру великого композитора... С трудом верится, конечно, но, с другой стороны, для чего Нине лгать? Или она не лжет, просто сам Дорошин ее обманывает? «Тьфу, глупость какая! – рассердилась на себя Настя. – Всего три дня ковырялись с психологической характеристикой Сокольникова и его мамы – больших любителей присочинить, и мне уже всюду мерещатся мыши. Возьми себя в руки, Каменская, перед тобой не Андрей Сокольников, а милая умная женщина, ветврач, хирург, возлюбленная Игоря Дорошина, которого ты уважаешь с самой первой встречи и который преподнес тебе незабываемый урок внутренней свободы. Чему ты удивляешься? Ты всегда знала, что Игорь – особенный, ни на кого не похожий, ты знала, что он болеет всем сердцем за тех, кто слаб и беззащитен, и готов на куски порвать каждого, кто попытается обмануть старика или обидеть ребенка. Ты знала, что за песни, которые он писал для группы „Ночные рыцари“, ему платили очень хорошие деньги, а он, вместо того чтобы снять погоны и жить в свое удовольствие, продолжал работать участковым и тратить свои гонорары не только на себя и собственные затеи с кошками и видеокамерами, но и на то, чтобы организовать общение пожилых людей и помочь им стать чуточку менее одинокими. Что нового ты сейчас услышала? Откуда это дурацкое недоверие?»

– ...Она все никак про эту розу забыть не может и постоянно допекает Игоря разговорами о равнодушии милиции.

– Полиции, – машинально поправила Настя.

Оказывается, Нина продолжает что-то рассказывать, а Настя ушла мыслями в дело об убийстве семьи Даниловых и ничего не слышит.

– Да нет, – в голосе женщины зазвучало недоумение, – именно милиции, это же давно было.

– Простите, я задумалась, отвлеклась, – призналась Настя. – Все пропустила.

– Ничего, – понимающе усмехнулась Нина, – у меня так часто бывает. Повторить про историю с розой? Или не нужно?

Роза! Вот же черт! Совсем недавно Петр спрашивал, что может означать белая роза в руках у молодой девушки. И вот тебе здрастье, снова-здорово. Что-то закон парных случаев зачастил, не к добру это.

– Расскажите, если не трудно.

Как истинный ученый, Илона Арнольдовна не терпела неясностей и непонятностей, поэтому никогда не выбрасывала из головы того, что оставалось неразъясненным или не до конца понятым. Кратковременная память у пожилых людей ослабевает, это известный факт, но то, что происходило несколько десятков лет назад, они продолжают помнить отлично. Примерно в конце восьмидесятых годов профессор вернулась домой с работы и обнаружила дверь в квартиру распахнутой настежь. Сперва решила, что дочь, зять или внучка пошли вынести мусор, но уже в следующую секунду заметила белую розу, одиноко лежащую на коврике в прихожей. «Ну точно, понесли цветы на помойку, один цветок обронили и не заметили», – подумала было Илона, но... Роза была свежей, очень красивой, с упругими лепестками, иными словами – явно не из увядшего букета, подаренного Илоне на прошлой неделе после успешной защиты диссертации благодарным аспирантом. Букет еще утром стоял в вазе, и профессор, уходя на работу, подумала, что вечером нужно будет непременно выкинуть пожухлые цветы. Женщина бросила взгляд на вешалку для верхней одежды, на обувную полку: похоже, никого дома нет, вешалка пуста, все четыре пары домашних тапочек на месте. «Обокрали! – заметалась в голове паническая мысль. – Вскрыли квартиру и все вынесли!» Она бросилась по комнатам, даже не сняв уличную обувь, и остановилась в растерянности. Все было так же, как обычно. Мебель стоит на своих местах, ни один ящик не выдвинут, на полу ничего не валяется. Квартира, которую обчистили, так выглядеть не должна.

Дрожащими руками торопливо открыла спрятанную в тумбе письменного стола коробку, где хранились сбережения всей семьи, – всё цело, вся сумма, до рубля, хотя найти коробку не составило бы ни малейшего труда даже для неопытного воришки. В советское время люди хранили деньги и ценности примерно одинаково, в одних и тех же местах, никаких встроенных сейфов почти ни у кого не водилось. Проверила шкатулку с украшениями – тоже все на месте. И телевизор «Грюндиг», совсем новый, очень хороший, недавно привезенный Илоной Арнольдовой с конференции в Белграде. Допустим, деньги и ценности не нашли, хотя что их искать-то? Но телевизор взяли бы обязательно, товар дефицитный, импортный, его можно толкнуть за приличные деньги.

Что делать? Звонить в милицию? Или подождать домашних, которые проверят, все ли их вещи целы, не пропало ли чего? Пока Илона с колотящимся, выпрыгивающим из груди сердцем сидела у стола, так и не сняв обувь и пальто, явился зять, потом, где-то через полчаса, дочь вернулась с работы, а около восьми вечера пришла и внучка, три раза в неделю по вечерам занимавшаяся с репетитором английским языком. К девяти часам стало совершенно точно известно: из квартиры не пропало ничего. Ровным счетом ничего.

– Я понял! – Зять Илоны Арнольдовны с силой хлопнул ладонью по столу. – Это чей-то поклонник! Признавайтесь, чей? Твой, Наталья?

Он сурово посмотрел на пятнадцатилетнюю дочку.

– Не рано тебе поклонников-то заводить? Тебе об учебе нужно думать, о поступлении в институт, а ты хвостом крутишь, со всякими проходимцами якшаешься! Ты посмотри, что он творит: дверь чужой квартиры вскрыл! Да как вскрыл! Комар носа не подточит! Он, поди, уже у половины города хаты обнес. Сколько ему лет? Как его зовут? Завтра же пойду в милицию и заявлю на него. Нет, не завтра, прямо сейчас и пойду. Ну? Отвечай!

Девочка растерянно моргала, глаза наливались слезами. Илона тут же кинулась защищать любимую внучку:

– Оставь ребенка в покое, Наташа умная девочка и не станет дружить с кем попало, правда, Натусик?

– А кому в таком случае роза? – не успокаивался зять. – Может, вашей дочери? Или вообще вам?

Дочь Илоны Арнольдовны никогда не была идеалом жены, профессор это признавала, и подозрительность мужа нельзя было считать уж вовсе безосновательной. Пришлось приложить изрядные усилия, чтобы не дать разгореться семейному скандалу.

На другой день Илона отправилась по соседям, методично обошла сперва свой подъезд, потом все другие в этом же доме, после чего переключилась на близлежащие дома. Ее вопросы вызывали чаще всего изумление, но почти никто не отказывался уделить пару минут и поговорить с интеллигентной, хорошо одетой дамой в зрелых годах. Ходить на работу можно было не каждый день, Илоне как доктору наук полагались два библиотечных дня в неделю, а ноги в ту пору были еще здоровы и без труда носили ее подтянутое тело без единого килограмма лишнего веса. Так что через несколько дней удалось обнаружить аналогичный случай, имевший место две недели назад. Всё то же самое: распахнутая дверь, ничего не пропало, в комнате в центре стола – прямоугольная, с черно-красным орнаментом, коробка с тортом «Птичье молоко», дефицитным, который еще нужно было ухитриться достать. Торт был обнаружен парнишкой-студентом, вернувшимся домой днем после занятий в институте, и немедленно съеден почти целиком. Парень даже не потрудился задаться вопросом, кто принес торт и почему открыта дверь. Когда ближе к вечеру выяснилось, что никто из членов семьи торт не покупал и не приносил, мать студента отправилась к участковому. Тот лишь посмеялся над наивной заявительницей:

– Вы сами этот торт видели? – спросил он.

– Видела, – подтвердила она. – То есть коробку видела. И там один кусочек еще оставался.

– А торт целиком видели?

– Нет, сын все съел, он такой голодный из института прибежал, а я как раз обед не успела на сегодня приготовить, дома есть нечего было...

– Да разыграл он вас! – с досадой махнул рукой участковый. – Собралась компания в пустой хате, кто-то принес торт, ребята его съели, один кусочек специально оставили, чтобы втюхать вам эту историю. Кто видел коробку с целым тортом? Только ваш сын. Кто видел вскрытую дверь? Тоже только он. И не пропало ничего.

– Но зачем же ему врать? – недоумевала женщина. – Зачем все это придумывать? Для чего?

– Да кто ж ее поймет, молодежь эту, у них одна дурь в головах. Идите, мамаша, домой, не тратьте мое и свое время.

– Но дверь...

– Замок поменяйте на всякий случай, а то мало ли кому ваш сынок ключи давал, могли и копий понаделать.

– Зачем ему давать кому-то ключи?

– Ну вы как будто вчера на свет родились! – фыркнул участковый. – Вы с мужем целыми днями на работе, так ведь?

– Так, а что...

– А ничего! Парни и девчонки, у кого родители весь день на работе и квартира стоит пустая, всегда дают ключи своим друзьям, если им встретаться негде. Парочку запустят на часок-другой, а сами – в кино или еще куда. Будто не знаете!

Сын клялся и божился, что никому ключей не давал, но мать не очень-то ему верила, а вот слова участкового показались ей убедительными. Замок она, конечно, сменила, но ведь и старый был еще исправный, даже и не заедал ни капельки после того, как его вскрывали. Участковый так и сказал: отмычки, мол, любой замок так или иначе повреждают, и если все работает по-прежнему гладко и без усилия, стало быть, открывали ключами, или родными, или точными копиями. А копию сделать – раз плюнуть, в любом металлоремонте за полчаса.

Случай сам по себе ерундовый, но в совокупности с эпизодом Илоны выглядел он уже не столь безобидно...

- Нина Валентиновна!

Импозантный мужчина с благородной сединой и явно избыточным весом бросился к ним, оставив своих спутников. Нина прервалась на полуслове, на лице появилось едва заметное напряжение, которое уже через секунду сменилось приветливой улыбкой. Значит, сперва не узнала седого толстяка, но быстро вспомнила.

- Как я рад, что встретил вас! - заливался восторгом мужчина. - И в таком неожиданном месте! Никак не мог подумать, что вы интересуетесь классикой. Мы с супругой вас каждый день вспоминаем и благодарим, и Арчик тоже вас не забыл, я уверен.

- Как он? Здоров?

- Тьфу-тьфу, вашими молитвами, вернее, вашими умелыми ручками.

Он продолжал сыпать словами восхищения и благодарности, а Настя искоса поглядывала на его лицо и пыталась вспомнить, где уже видела этот мясистый, но хорошей формы нос и где слышала этот богатый модуляциями голос. Вспомнила! На экране телевизора. Какой-то часто появляющийся в эфире деятель Совета Федерации. Ничего себе знакомства у тихой Ниночки! Но каков, однако, наглец этот толстый политик! Не мог он, видите ли, подумать, что ветхирург интересуется классической музыкой. А что, по его представлениям, врачи, которые лечат животных, должны интересоваться исключительно попсой или ресторанным шансоном? Глядя на его сытую рожу в телевизоре и слушая, как он с умным видом рассуждает о законодательных инициативах, тоже трудно себе представить, что он посещает консерваторию. Это еще он пока думает, что Нина Валентиновна - сама по себе, то есть купила билет и пришла послушать известного певца. Если узнает, что врач, лечивший его собаку, - будущая сноха самого великого Владимира Дорошина, в обморок свалится, надо полагать. А Нина-то какова, а? Когда Игорь подвел к ней Настю - сразу встала, потому что рядом не было ни другого кресла, ни банкетки, ни стульчика, а как подошел известный деятель - даже не пошевелилась, продолжает сидеть, как приклеенная, вынуждая рыхлого мужичка стоять в полупоклоне.

Остановить поток речей удалось только с появлением Игоря, который подхватил обеих дам под руки и повел их в директорскую ложу.

– Сбежали? – насмешливо спросил он. – Эх вы, self-made women, а я-то собирался поучиться у вас выдержке и самообладанию.

– Мне выдержка и самообладание на работе пригодятся, – тут же отпарировала Нина. – Зачем тратить драгоценный запас на незнакомых людей, которых я никогда больше не увижу?

– А вот это еще вопрос: увидишь или нет? Я не собираюсь до конца жизни прятать тебя и оберегать от мамы. Стало быть, прикосновенность к ее ближнему кругу фатально неизбежна. Сегодня после концерта состоится первый подход к снаряду, я предупреждал.

Нина ничего не ответила, рассеянно и даже как будто лениво оглядывая постепенно заполнявшийся зал. Игорь усадил их и снова убежал, ему нужно было привести еще каких-то гостей. Молчание снова показалось Насте напряженным и каким-то неприличным, что ли. Нужно заговорить, но о чем? Попросить закончить историю о вскрытых квартирах и равнодушных милиционерах? Или спросить о знакомстве с политиком и болезни его собаки?

Она открыла рот, но произнесла совсем не то, что собиралась:

– Боятесь?

Нина посмотрела на нее насмешливо и чуть удивленно.

– Разумеется, нет. Уж каких только владельцев больных животных я не видела! Ни одна Татьяна Васильевна с ними не сравнится. А я пока жива и даже не ранена. Просто Игорю кажется, что мне может быть не совсем комфортно в обществе его мамы, и он нас до поры до времени не знакомил.

Настя вдруг подумала, что провела в обществе Нины уже минут 30–40, при этом женщина говорила намного больше самой Насти, но, однако же, ни слова о себе. Об Игоре – совсем чуть-чуть, а в основном – о старушке-соседке Илоне Арнольдовне. «Что происходит? – думала Настя. – Макки учил всегда различать

две картины: то, что мы видим, и то, что происходит на самом деле. Что я вижу? Женщина мило болтает, заполняя пустоту... Нет, не то, не так. Женщина пересказывает мне в подробностях то, что слышала неоднократно от соседки Игоря. Какая-то история, не имеющая ни малейшего отношения ни к ней, ни к Игорю, ни тем паче ко мне. Что может происходить на самом деле? Она нервничает перед знакомством с матерью Игоря и банально сотрясает воздух в чисто терапевтических целях, чтобы не думать и не волноваться заранее? Не годится. Нина выглядит совершенно спокойной, да и сама признается, что ничуть не боится встречи с родителями Игоря. Кроме того, если человек становится говорливым от волнения, то его речь, как правило, крутится вокруг него самого, а Нина о себе ничего не рассказала, все только о бабушке Илоне, о розе, о торте. Есть люди, которые любят поговорить о себе, любимом, и здесь механизм понятен. Людей, которые любят поговорить „вообще“, то есть которым нравится процесс молотьбы языком, все равно на какую тему, тоже немало, но намного меньше, и подруга Игоря к ним явно не принадлежит, в противном случае она бы уже начала что-нибудь рассказывать, а она меж тем сидит молча, и ей это абсолютно не в тягость, судя по выражению лица».

- Не любите рассказывать о себе? - спросила Настя, повернувшись к Нине.

Та кивнула.

- Не люблю. Не приучена. Скрывать мне нечего, но профессия вынуждает быть сдержанной. С пациентами, точнее, с их хозяевами нельзя родниться.

- А как же Игорь? Он ведь тоже хозяин пациента, и не одного.

- Игорь - исключение. Вижу, вы меня не понимаете. Я объясню. Помимо клиники, где я веду прием и оперирую, у меня много клиентов, к которым я выезжаю на дом. Ситуации бывают разные, порой приходится подолгу сидеть, пока животное прокапается, или, допустим, нужно подождать и посмотреть, как зверь среагирует на препарат. Хозяева здесь же, волнуются, иногда паникуют, дергают меня, рыдают, в общем, сами можете догадаться. Двухчасовую капельницу нужно как-то пересидеть, о чем-то говорить, как-то общаться. И я научилась просто рассказывать что-то отвлеченное, вплоть до того, что могу пересказывать фильм или книгу. Никаких историй из своей жизни, никаких фактов собственной биографии. И уж тем более никаких обсуждений политических новостей. Для меня это недопустимо в рамках профессионального контакта. На работе врач - человек без личности и без политических

пристрастий. В молодости, когда я только начинала работать, наделала ошибок, конечно, не без этого. Не в лечении животных, а именно в стиле общения с людьми. Потом мне эти ошибки такими оплеухами обернулись, что урок был усвоен накрепко.

Они сидели во втором ряду, и теперь прямо перед ними усаживались две дамы, обе из числа тех, что были в «комнате для избранных». Поняв, что двух пришлых нищенок в затрапезных одеждах привели и усадили в директорской ложе раньше всех, они обменялись негодующими взглядами и, склонив головы друг к другу, принялись очень тихо что-то обсуждать. «Нас, наверное, – подумала Настя. – Не могут понять, кто мы такие и зачем сын Дорошина нас сюда притащил. Теперь будут мозги ломать вместо того, чтобы музыку слушать».

Дамы между тем прекратили переговоры и сидели молча, с очень прямыми спинами, замерев, как изваяния. Все ясно, хотят послушать, о чем разговаривают две непонятно откуда взявшиеся самозванки, сидящие сзади. Бросив взгляд на часы, Настя поняла, что до начала еще почти семь минут, да и то если без задержек. Вполне можно успеть похулиганить.

– Нина, вы каким иностранным языком владеете? – спросила она едва слышно, приблизив губы почти вплотную к ее уху.

– Никаким, – так же беззвучно ответила Нина. – Если только латынью, но в рамках медицинской терминологии.

– А в школе какой язык изучали?

– Как ни смешно – испанский. Родители отдали меня в крутую испанскую спецшколу, она была чуть ли не единственной в Москве, стремились сделать из меня специалиста по Латинской Америке, мечтали, чтобы я продолжила семейную традицию. А я не оправдала надежд и пошла по другому пути. Так что языком после выпускных экзаменов совсем не пользовалась и давно все забыла.

– Ничего, начнем с простых фраз, потом всё само вспомнится. Устроим небольшой спектакль, развлечемся.

Настя поймала на себе изумленный взгляд Нины и подмигнула ей.

– Не старайтесь говорить правильно, без ошибок, – заговорила она по-испански уже не понижая голоса. – Главное – фонетика, звучание незнакомой речи, уверена, что наши очаровательные соседки в первом ряду этим языком не владеют и ошибок не заметят. Но как истинные знатоки академического вокала с ходу определяют, на каком языке мы беседуем. Обалдеют, впадут в шок и утратят дар речи, а потом будут долго соображать, кто же мы такие. А вдруг мы с вами любимые племянницы самого Хосе Каррераса?

Нина поняла, пожалуй, только треть или четверть сказанных слов, но и их оказалось достаточно, чтобы уловить общий смысл. Она фыркнула и негромко рассмеялась, потом неуверенно произнесла:

– Вы говорите по-испански?

Отлично! Одна из первых и главных фраз любого школьного курса. Если вспомнилось хотя бы это, дальше механизм вспоминания начнет раскручиваться.

– Да, немного. Изучала иностранные языки для собственного удовольствия и тренировки мозгов. Скажите несколько слов о себе: когда и где родились, кто ваши родители.

Эти фразы тоже не должны представлять особого труда, их заучивают всегда в начале обучения, и они застревают в памяти на всю жизнь. Нина заговорила довольно бойко, и Настя сразу поняла, что словарный запас у нее огромный, а вот грамматику учить ей было лень. Но разве это важно? Важно, что спины и затылки впереди сидящих дам буквально наливались напряжением, Насте даже казалось, что она видит, как каменеют и тяжелеют их мышцы. «Кто сказал, что я старею и нахожусь на пороге шестидесятилетия? Да, я действительно там нахожусь, на этом чертовом пороге, но данный факт не меняет и не должен менять ничего в моей жизни. Я всегда любила валять дурака, но на моей суперсерьезной работе этому редко находилось место, а теперь-то почему нужно отказывать себе в маленьких удовольствиях? Вот говорят, что мужчины до глубокой старости остаются мальчиками, а мы, женщины, разве чем-то отличаемся от них? Да ничем! Ребенок в нас никогда не умирает и не вырастает. Просто люди по-разному обращаются с этим ребенком. Одни загоняют его в дальний угол или запирают в темной камерке и делают вид, что его нет. Другие дают ему свободу и даже дружат с ним, как я», – думала Настя, то и дело прерывая рассказ Нины ничего не значащими пустыми репликами, чтобы создать видимость оживленного диалога.

Дамы впереди зашущукались. Настя явственно представила, как у них, словно у кошек или собак, уши встают торчком и разворачиваются в сторону, откуда поступают тревожные звуки, а из элегантно уложенных волос на затылке вдруг высовываются выпученные глаза. Ей стало так весело, что она с огромным трудом удержалась от смеха. «Я лгунья, притворщица и отъявленный мистификатор». Это было последнее, о чем Настя Каменская успела подумать, прежде чем ведущая в красивом длинном платье вышла к микрофону и объявила о начале творческого вечера Владимира Дорошина.

Она быстро оглядела ложу: Игоря не было. И ни одного свободного места. «Он уступил мне свое кресло. Он должен был сидеть рядом с Ниной», – поняла Настя.

Ей стало неловко. Но едва раздались вступительные аккорды каватины Валентина из «Фауста» Гуно, она забыла о неловкости и погрузилась в музыку.

* * *

Концерт, начавшийся как традиционное академическое действо, на деле оказался и впрямь самым настоящим творческим вечером. Исполнив каватину Валентина, певец сделал шаг в сторону ramпы и начал рассказывать.

– Дорогие друзья, благодарю вас за то, что пришли сегодня на наш вечер, который устроен в честь пятидесятилетия нашей с Татьяной совместной жизни. Золотая свадьба – дело серьезное, особенно в наш век, когда браки зачастую так недолговечны! Для этого вечера мы выбрали произведения, связанные так или иначе с памятными событиями и вехами пути, пройденного нами рука об руку за пять десятилетий. Именно на студенческом спектакле «Фауст» в оперной студии консерватории пятьдесят два года тому назад мне выпало счастье познакомиться с Татьяной, – красивым выверенным жестом Дорошин указал на сидящую за роялем супругу. – Можно считать, что наша любовь началась с этой арии, поэтому сегодняшней вечер мы решили открыть исполнением именно этого произведения. Я был довольно робким парнем, никак не мог решиться признаться в своих чувствах, и в конце концов прибег к помощи великого Верди, использовав арию графа ди Луны из «Трубадура»...

Каждое включенное в репертуар произведение сопровождалось кратким, но довольно ярким пояснением, украшенным изрядной долей юмора. Когда

объявили антракт, Настя искренне удивилась: неужели уже час прошел? Посмотрела на часы, чтобы удостовериться. Да, первое отделение вечера длилось час пятнадцать минут, а пролетело как несколько легких мгновений.

Они с Ниной вышли в фойе, и тут на них налетел Игорь.

– Девушки, что произошло? Мамулины подруги меня чуть на мелкие лохмотья не порвали, еле отбился.

Настя скроила невинную физиономию, Нина же сохраняла полную невозмутимость и, казалось, вообще не понимала, о чем идет речь.

– Ничего не произошло. Мы мирно сидели, разговаривали, никого не трогали, починяли примус. А в чем дело?

– Разговаривали? На каком, позвольте поинтересоваться, языке?

– На испанском, а что?

– Все ясно, – вздохнул Игорь. – Ну Нина – ладно, она испанский хотя бы в школе изучала, но уж от вас, Анастасия Павловна...

Он удрученно замолк.

– Что – от меня? Такой подлости никак не ожидали? – поддела она со смехом. – Сами виноваты, нужно было предвидеть, что такие, как мы, всегда будут белыми воронами в светском обществе. Тут уж только два варианта: или мы наряжаемся, украшаем и выглядим соответственно ожиданиям, или становимся объектом пристального внимания и источником недоумения и шока. Вы пренебрегли первым вариантом и закономерно получили второй. Какие к нам претензии?

Игорь безнадежно махнул рукой.

– Да никаких. Теперь никаких. Действительно, я сам дурак. Только мамулины подруги уже поскакали к ней в гримуборную рассказывать взхлеб, каких дам я привел на концерт и усадил в ложе.

– Кстати, о ложе, – подхватила Настя. – Где вы сидели? Я правильно понимаю, что первоначально вы планировали сидеть с Ниной, но отдали свое место мне? Если так, то предлагаю поменяться, садитесь на свое место хотя бы на время второго отделения.

– Вы очень великодушны, Анастасия Павловна, – Игорь улыбался, но лицо его было одновременно рассеянным и озабоченным, – но моего места, как выяснилось, в зале вообще нет. То есть теоретически оно есть во второй ложе, но кресло стоит пустым. Мамуля потребовала, чтобы я весь вечер стоял в кулисе, причем так, чтобы она меня видела. Вот такая у нее блажь на сегодняшний день. Отказать не могу, мамуля не часто просит меня о чем-то, зато моя уступчивость послужит бонусом, когда буду знакомить ее с Ниной.

– Предусмотрительно, – согласилась она. – А кто придумал такой формат вечера? Получилось очень живо, тепло и даже доверительно. Наверняка ваша идея, верно?

– Верно, – кивнул Игорь. – Знаете, пришла в голову фраза, что-то вроде «музыкальные свидетели прожитых лет», ну а дальше одно за другое цеплялось... Я рад, что вам нравится.

Он заговорил с Ниной, но Настя уже не слушала. Слово «свидетель» словно выстрелило тугой пружиной, которая начала закручиваться, вовлекая в свою орбиту все новые и новые факты, соображения, предположения, идеи. Единственное слово...

Очнулась она только тогда, когда зал взорвался финальными овациями. Неужели вечер закончился? И уже можно ехать домой? Ура! Как хорошо, что она не согласилась на предложение Игоря «привезти и отвезти», приехала на своей машине, оставила ее на подземном паркинге в самом начале Тверской. Консерватория находится в доме 13 по Большой Никитской улице, а в доме 11 во времена Настиного студенчества располагался юрфак университета, где она училась. Улица тогда именовалась не Большой Никитской, а Герцена. Частично факультет в те годы уже переехал на Ленинские горы, в основное здание МГУ, но кое-какие кафедры и аудитории оставались еще на Герцена, 11. Настя отлично помнила, как добегала за пять минут от метро «Проспект Маркса» до места учебы. Небольшая пешая прогулка сейчас будет очень кстати, ходьба обычно помогает привести мысли в порядок.

А уж дома... Она знает, чем займется. Эх, жаль, что завтра придется ехать с басом-профундо на закупки. И Петру она дала на завтра отбой. Но кто же знал, что ее посетит очередная безумная идея?

* * *

Сушеная вобла закончила занятия ровно в пять часов, на концерт она идет, видите ли! Петру было так муторно со вчерашнего вечера, и он с удовольствием поработал бы над делом, чтобы отвлечься от плохого настроения, и послушал всякие байки из жизни следователей и оперов, которые Каменская то и дело рассказывала в качестве примеров и иллюстраций. Но вобла непререкаемым тоном заявила, что ей нужно привести себя в порядок и выехать пораньше, потому что будний день, конец рабочего дня, пробки и так далее. Короче, обломала Петра по всем фронтам.

Неприятный осадок, оставшийся от знакомства с Катей Волохиной, раздражал и не давал покоя. Петр позвонил одному приятелю-однокурснику в попытке договориться о встрече и «посидеть-попить пивка», потом другому, третьему – безрезультатно. Все были заняты, никому Петя Кравченко не был нужен и интересен настолько, чтобы ломать собственные планы и откладывать дела. Был бы он в родной Тюмени – уже через пять минут собрал бы целую компанию, а тут... Ладно.

Но сидеть одному в пустой квартире ему отчаянно не хотелось. Он вышел из метро за три остановки до той станции, где снимал жилье, поднялся наверх и зашел в первое попавшееся заведение, которым оказалось не то кафе, не то бар, не то рюмочная-забегаловка. Столов со стульями всего два, оба свободны, высоких столов без стульев – штук пять или шесть, длинная барная стойка, вдоль которой располагались не меньше десятка барных табуретов, все до единого заняты посетителями. У высоких столов стояли несколько человек двумя группами. «Странно, – подумал Петр, – почему никто не сел за стол? Удобнее же!»

Несмотря на убожество мебелировки, здесь было чисто и даже почти красиво, во всяком случае, рука дизайнера, пусть и весьма посредственного, ощущалась явственно.

В меню не оказалось почти никакой еды, кроме двух разновидностей убогих сэндвичей, зато перечень предлагаемых напитков выглядел впечатляюще. Табличка на барной стойке извещала, что здесь самообслуживание, заказ нужно делать самому у бармена и потом убирать за собой посуду. Петр подошел к одному из двух пустых столов, поставил на стул рюкзак, повесил ветровку на спинку стула и подошел к бармену. Заказал четыре сэндвича – по два каждого вида, кофе и большую кружку темного пива.

– Я смотрю, у вас за столами никто не сидит, – заметил он как бы между прочим. – Что так? Есть какая-то засада?

Бармен пожал плечами.

– Никакой. Вам просто повезло, гости ушли только что, а минут через десять народ повалит из офисов и контор в сторону метро, все сидячие места будут заняты, причем надолго, практически до самого закрытия.

Дождавшись, когда из кухни принесут сэндвичи, Петр отнес их к столу, потом вернулся за кофе и пивом. Вытащил из рюкзака ноутбук, поискал глазами розетку поблизости, но не обнаружил. Ничего, батарея заряжена полностью, ведь у Каменской дома он работал от сети, так что на пару часов точно хватит, а если без интернета – то и дольше.

Еда напоминала картон, пропитанный вкусовыми добавками, кофе был ужасен, а вот пиво оказалось превосходным. Вероятно, заведение ориентировано преимущественно на тех, кто хочет выпить, расслабиться и пообщаться, а не на тех, кто хочет вкусно поесть. Петр собрался было сходить к стойке за второй кружкой, когда за стол напротив него уселся незнакомый мужчина лет 35–40. Хорошо одетый, с тонким привлекательным лицом, строгими темными глазами. Второй стол был уже оккупирован компанией парней и девиц, с независимым видом потягивающих какие-то разноцветные коктейли, и Петр ожидал вполне понятного вопроса типа «У вас не занято?» или «Вы позволите?». Однако вместо этого незнакомец произнес:

– Господин Кравченко?

Петр вздрогнул от изумления и настороженно кивнул.

– Мы знакомы?

– Нет. И вряд ли познакомимся. У меня к вам деловое предложение.

Петр ушам своим не верил. Деловое предложение? К нему? У этого человека, которого он видит впервые в жизни? Здесь, в этой сомнительной забегаловке? Бред. Слова «вряд ли познакомимся» ему сильно не нравились. Не иначе какой-то подвох.

Он постарался взять себя в руки и сказал как можно спокойнее:

– Я готов выслушать ваше предложение. Но сначала хотелось бы выяснить, откуда вы меня знаете и как нашли.

Незнакомец улыбнулся легко и весело.

– Нет ничего невозможного в этом мире. Вас я не знаю, но знаю кое-что о вас, – он сделал сильный акцент на предлоге «о». – Например, что вы очень интересуетесь ролью Маргариты Станиславовны Лёвкиной в деле Андрея Сокольникова. Я не ошибаюсь? Меня правильно информировали?

– Допустим, – осторожно подтвердил Петр. – И что из этого следует?

– Многое, – загадочно ответил незнакомец. – Кроме того, мне известно, что методическую помощь в ваших изысканиях вам оказывает бывший сотрудник МВД, человек опытный и знающий. Это так?

– Допустим, – повторил Петр, чувствуя, как поднимает голову и открывает глаза уснувший было азарт, журналистский кураж. Началась движуха!

– Далее мы уходим в область предположений, – туманно продолжал незнакомец. – Вы – молодой журналист из Тюмени, семья самая обыкновенная. Ваш куратор, ветеран МВД, недавно купила новую квартиру и никак не может закончить в ней ремонт в силу финансовых обстоятельств. Отсюда следует вывод, что и вы, и она не откажетесь от очень достойного денежного вознаграждения, оно вам никак не помешает. Ведь не откажетесь?

– Смотря за что это вознаграждение.

– За то, что вам самому кажется правильным и справедливым. За голову Маргариты Станиславовны Лёвкиной. А заодно и ее подельника Гусарева, вместе с которым они так ловко фабриковали уголовные дела и заработали огромные деньги, сажая, кого надо, а кого надо – отпуская. Вы ведь и сами этого хотите, правда?

– Ну, – уклончиво протянул Петр, лихорадочно соображая, куда вывернуть разговор, – мои желания в данном случае не особо важны. Важно, какими сведениями я располагаю. Они должны быть точными и проверенными.

– Так уточняйте, проверяйте. Это ваша работа. Копайте во всех направлениях, результат будет оплачен должным образом.

Блин, неужели это происходит на самом деле? Только в кино Петр видел такие истории, когда к журналисту вдруг, как бог из машины, является некто и приносит ценнейшую информацию. В реальной жизни такого не случилось ни с ним самим, ни с теми, кого он знал.

– Я готов выслушать вашу информацию, а потом решу, возьмусь за дело или нет, – сказал он, стараясь звучать солидно и в то же время сдержанно.

Незнакомец расхохотался.

– А у меня нет никакой информации. У меня есть знакомый, а у этого знакомого есть желание, чтобы Лёвкина и Гусарев ответили за свои грехи, пусть не тюремным сроком, а хотя бы только публичным позором. И у моего знакомого достаточно средств, чтобы оплатить вашу работу, вот и всё. Моя задача в данном случае – довести заказ до вашего сведения и принести заказчику на блюдечке ваше согласие.

Петру очень хотелось немедленно дать положительный ответ и тут же кинуться искать факты, разоблачающие бывших следователей. Ведь он с самого начала был уверен, что именно так все и было: Сокольников невиновен, Лёвкина и Гусарев за деньги сфабриковали дело против него, чтобы отмазать кого-то. А эта сушенная вобла его отговаривала, доводы какие-то приводила, сердилась, устроила ему выволочку за то, что попытался встретиться и поговорить с

Лёвкиной... Никто Петра не поддержал, никто, даже этот Климм, любовник Аллы, фантаст недоделанный, и тот все время талдычит, что следователи-взяточники – это отстой, тема затертая, никого не заинтересует, а нужно писать про хосписы, врачей-подвижников и волонтеров-энтузиастов. Все тупые идиоты, никто ничего не понимает, а он, Петр Кравченко, все-таки прав!

– Значит, у вашего знакомого на руках нет никаких фактов? Только одни подозрения? – уточнил он деловито.

Глаза незнакомца внезапно сузились и перестали лучиться весельем и смехом. Теперь он был серьезен.

– Господин Кравченко, мы живем в мире, построенном на товарно-денежных отношениях. Думаю, для вас это не новость. У всего на свете существуют только две причины: чувства и деньги. В данном случае речь идет о том и о другом. Фирма, которой владеет и руководит Маргарита Лёвкина, очень мешает моему знакомому, буквально дышать не дает, перекрывая возможность получать действительно высокие доходы. Мой знакомый поинтересовался происхождением денег, при помощи которых была основана фирма Лёвкиной, и, представьте себе, ничего убедительного не нашел. Отсюда следует вполне однозначный вывод: деньги были заработаны несправедливым путем. Соединив этот факт с прежним местом работы Маргариты Станиславовны, мы получаем весьма определенный ответ. Возразите мне, если сможете. Кроме того, если деньги для вас – это «фи», напомню о чувствах. О чувствах тех, кто был при содействии Лёвкиной и Гусарева незаконно осужден и провел годы жизни в местах лишения свободы, а также о чувствах тех, кто пострадал от преступлений и знает, что виновные гуляют на свободе. Ну как? Я вас убедил?

– Но...

Незнакомец поднялся, обошел стол и встал почти вплотную к Петру, который уловил очень приятный горьковато-пряный запах туалетной воды.

– Передайте мое предложение Анастасии Павловне, – очень тихо проговорил мужчина, наклонившись к самому уху Петра. – Или не передавайте, если не хотите делиться гонораром, он весь достанется вам. Но сделайте это, господин Кравченко. Один или с чьей-то помощью – значения не имеет. Просто сделайте. Удавите эту гадину. Закопайте поглубже. И всем станет легче.

Он исчез прежде, чем Петр успел прийти в себя. Вот это поворот! Долгожданная удача сама идет в руки! Он все сделает сам, и никакие старые воблы и дряблые псевдописатели ему не помешают. Надо быстренько двигаться домой, подключаться к интернету и начинать поиски.

Несколько минут Петр еще сидел за столом в радостном возбуждении, потом уложил ноутбук в рюкзак и двинулся в сторону метро. Шаггал быстро, не глядя по сторонам, углубившись в составление плана действий. Что там Каменская говорила про чехарду с адвокатами? Правильно, вот с них и следует начать. Адвокатов было много, кого-нибудь из них наверняка удастся отыскать, а может, и не одного. Лучше всего, конечно, поговорить с тем, последним, который участвовал в деле на протяжении второй половины следствия и всего судебного процесса. Если у матери и сына Сокольниковых были основания обвинять следователей в злоупотреблениях и даже преступлениях, то адвокат не может не быть в курсе. Вобла предполагала, что как раз адвокат и подал идею, значит, располагал сведениями.

Петр ужасно гордился собой, перебирая в памяти только что состоявшийся разговор: ему казалось, что он выглядел уверенным и деловитым, не растерявшимся, не испуганным, одним словом – настоящей акулой пера, молодой, полной сил и голодной. Однако чем больше он вспоминал беседу с незнакомцем, тем противнее скрипела внутри какая-то несмазанная деталь. Чтобы заглушить этот отвратительный скрип, Петр снова и снова придумывал, за что бы еще себя похвалить, чему еще порадоваться. Он очень старался, и к тому моменту, когда вошел, наконец, в квартиру, недавняя сцена в его воображении приобрела поистине театральный размах. Незнакомец был жалким и раздавленным, он прошел все круги ада в попытках доказать свою правду, но к нему никто не прислушался, и теперь его последняя надежда – молодой честный журналист Петр Кравченко, единственный, кто не побоялся копнуть старое дело и приблизиться к бывшему следователю Лёвкиной, его даже в полицию за это забирали, пытались надавить, запугать, но не на того напали! Сам же Петр выглядел умным, собранным, надежным, одним словом, таким, в чьи руки не страшно вверить свою судьбу.

И как удачно все складывается-то! Завтра Каменская будет занята почти весь день, поедет делать закупки для ремонта, и у Петра образуется масса свободного времени, чтобы осуществить задумку с адвокатом. Вот, оказывается, чем хороша жизнь пенсионера: можно и на концерты ходить, и на строительные рынки ездить, ремонтами всякими заниматься, делать все равно больше нечего.

А им, молодым, приходится впахивать и впахивать до обморока.

Разочарование постигло почти сразу, едва Петр ввел в поисковик фамилию, имя и отчество защитника, указанные в протоколе судебного заседания.

Поименованный в документах адвокат ухитрился в 2009 году совершить ДТП со смертельным исходом, два человека погибли, сам адвокат был изрядно нетрезв и грубо нарушил правила дорожного движения, за что и получил от суда все, что причитается. Не спасли ни прошлые заслуги, ни собственный юридический опыт, ни коллеги-адвокаты. Срок дали не очень большой, но реальный, не условный, осужденный уже давно вышел на свободу, но права заниматься адвокатской деятельностью его все-таки лишили. Дальше всё происходило по известному сценарию: активные попытки восстановить доброе имя – вялые попытки найти работу – спиртное – смерть.

Н-да, с этим адвокатом полный облом... Но ведь их было много! Больше десятка разных! Наверняка с кем-нибудь из них повезет. Черт, Каменская ведь велела ему составить подробный список: какие адвокаты в какие даты на каких следственных действиях присутствовали, при этом отметить, есть ли документы об оплате защитника. Он тогда кивнул, мол, хорошо, понял. Но не сделал. Не успел, да и не интересно. А вобла больше об этом не спрашивала, и Петр с облегчением подумал, что не нужно. Вот же идиот!

Внутри снова противно скрипнуло, и он поспешил отвлечься на приятное. Двадцать лет – срок немалый, сам он, хоть и молодой, и память отличная, мало что помнит из происходившего, когда ему было пять лет. Например, из всей детсадовской группы сейчас может назвать имена только двух мальчишек, с которыми дружил, остальных забыл. Ни имен, ни лиц... Если, как объясняла Каменская, адвокат по назначению приглашен для участия в конкретном следственном действии и больше к данному уголовному делу никакого касательства не имел, то через день он полностью выбросит из головы все, что происходило в кабинете следователя. А уж через двадцать лет – и мечтать нечего. За двадцать лет столько подзащитных у него было, столько разных следственных действий, что все смешалось в одну маловразумительную кучу.

Но адвокат Елисеев – это совсем другое дело. Тот самый Елисеев, чьими помощниками числились некие Самоедов и Филимонов, которые отчего-то никак не желали находиться ни по телефонам, ни в реестрах адвокатской палаты. Тот Елисеев, который все-таки явился, попросил свидания с задержанным, поговорил с ним один-единственный раз и исчез с концами. Самоедова и

Филимонова Андрей Сокольников хорошо знал, в этом можно не сомневаться, он даже их телефоны наизусть помнил, на их помощь и поддержку рассчитывал. Сам он тоже родителям и сестре говорил, что работает помощником адвоката, фамилию, правда, не называл, но есть все основания полагать, что это был именно Елисеев. И уж Елисеев-то Андрея наверняка не забыл. Да, в деле этот защитник не участвовал, но он может рассказать много интересного и о Сокольникове, и о следователях. Не исключено, что именно из-за следователей он и соскочил с дела, сославшись на форс-мажор или еще на что там у них положено ссылаться. Знал, кто такие Лёвкина и Гусарев, знал, что они работают по заказам, а может, уже и знал, что по делу об убийстве семьи Даниловых все решения приняты и все деньги проплачены, поэтому решил не связываться, понимая, что Андрея ему не вытащить, дело провальное и кроме ущерба для репутации и потраченного времени ничего не принесет.

С Елисеевым повезло больше. Жив-здоров, активно практикует, ему даже можно задавать вопросы онлайн и получать платные юридические консультации. Петр немедленно вписал в нужное окно вопрос: «Может ли адвокат отказаться осуществлять защиту, и если может, то по каким основаниям?» Ответ пришел неожиданно быстро и выглядел сухо и официально. «Часть 2 статьи 13 Закона об адвокатуре гласит: „Адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции“. Уголовно-процессуальным законом запрещен любой отказ от защиты (часть 7 статьи 49 УПК РФ)». Выглядело это формальной отпиской. В ней не было даже ответа на часть вопроса о причинах отказа. В законе же сказано, что по уважительным причинам – можно, так каковы эти причины? Петр представил себе мальчика-студента, подрабатывающего у пожилого адвоката. Сидит этот мальчик перед компьютером, читает вопросы, задаваемые опытному адвокату, и пишет ответы. Чаще всего просто копирует нужные строчки и абзацы из законодательных актов или из размещенных в интернете статей и монографий. Все эти материалы доступны в сети, люди и сами могли бы найти их и прочитать, но им почему-то кажется, что спросить и получить ответ профессионала – вернее, надежнее. Знали бы они, какие профессионалы скрываются за фотографиями на красиво оформленных сайтах...

Но если вопрос чуть посложнее и ответ на него прямым текстом в законе не сформулирован, то, наверное, мальчик-практикант обратится к своему наставнику. Хотя не факт, что обращаться он будет именно к Елисееву. Петр хорошо знал, как это бывает: у известного специалиста «покупают» имя, фотографию и регалии, оформляют сайт и стригут купоны за консультации,

исходящие на самом деле от совсем других людей, менее профессиональных и образованных, а то и вовсе дилетантов и самозванцев, нахватавшихся знаний по верхам и нагугливающих нужные ответы. Ну и специалисту денежки капаят, само собой. Все довольны.

Петр снова и снова задавал вопросы, отмечая, что время поступления ответа становится все больше. Значит, придуманный им метод работает, мальчик вынужден консультироваться с шефом. Еще вопрос... И еще... За каждый ответ нужно было перечислять деньги, весьма скромные, по большому счету – совсем ерундовые, но в сумме выходило прилично. Наконец Петру показалось, что пора сыграть ва-банк. Он задал прямой вопрос о деле Андрея Сокольниковца, напомнил, что речь идет о 1998 годе и о помощниках Самоедове и Филимонове. Минут через 20 он уже смотрел на карту Москвы и прокладывал маршрут, которым завтра поедет к адвокату.

Уже завтра. Завтра он все узнает. Пока сушеная вобла будет покупать для своей старой морщинистой задницы новомодный унитаз, он, Петр Кравченко, получит ответы на все вопросы. И можно будет перестать ходить на эти тупые занятия, ковыряться в тухлом уголовном деле, а вместо этого до конца отпуска написать такой материал, что после первой же книги имя нового писателя Питера Крафта взлетит на самые верхние строчки рейтингов. И тогда все наконец поймут, чего он стоит.

* * *

В детстве в книгах выискивалось интересное, а скучное пропускалось, это нормально для ребенка. В «Трех мушкетерах» страницы о политике безжалостно пролистывались, точно так же, как в романах Диккенса пролистывались длинные подробные описания улиц, домов, внутренней обстановки жилищ. Мне было лет тринадцать, когда в руки попал Стендаль, «Красное и черное». Каково же было мое изумление, когда выяснилось, что текст был прочитан полностью, от первой до последней строчки, без единого пропуска! Сперва, помнится, появилось предположение, что я взрослею, набираюсь ума. Появился повод для гордости. Но уже в следующей прочитанной книге вновь появились пропущенные абзацы, страницы и даже целые главы. Значит, дело не во мне, не в том, что я взрослею и умнею. Тогда в чем же?

Только спустя много лет пришло понимание. Пришло благодаря биографии Стендаля, написанной Стефаном Цвейгом. Я то и дело перечитываю ее и наслаждаюсь. Стендаль был великим лжецом, Цвейг называет его «чемпионом лжи». Но при этом Анри Бейль овладел великим искусством говорить самому себе правду. Искать эту правду, гоняться за ней, ловить, выхватывать и безжалостно говорить. Правду не о других, а о себе самом. «Для него важно было только оставаться откровенным с самим собою и по отношению к себе. Отсюда и его безудержная лживость по отношению к другим... Вводить других в заблуждение – такова была его постоянная забава; быть честным с самим собой – такова его подлинная, непреходящая страсть. Но ложь долго не живет, время кладет ей конец, а познанная и осознанная человеком истина переживает его в веках. Кто хоть однажды был искренен с собою, тот стал искренним навсегда. Кто разгадал свою собственную тайну, разгадал ее и за других».

Я знаю этот текст наизусть, я постоянно обдумываю эти слова. И начинаю понимать, почему в романе Стендаля от моего внимания не ускользнула ни одна строчка, ни одна буква. Искренность и правдивость завораживают. Но они делают человека беззащитным. Для защиты нужна ложь, без нее не обойтись, иначе не выжить. Потрясающее слияние воедино абсолютной честности и столь же абсолютной лживости... Как это близко мне! Как понятно!

Глава 10

Четверг

На высказанную накануне вечером просьбу Насти ехать на закупки в одной машине с мастерами дед-профундо отозвался с удивлением:

– Вы же сами на колесах. И машинка у вас хорошая, чистенькая, я видел, у нас-то пикап и «газель», рабочие лошадки, особого комфорта нет. Зачем вам это?

– У меня срочная работа, – объяснила она. – Мы проведем в дороге гораздо больше времени, чем собственно на рынках и в магазинах, я хотела взять с собой ноутбук и поработать.

Слова о работе вызвали у бригадира уважение.

– Мы думали на «газельке» ехать с Даней вдвоем, материалов будет много, в пикап не влезут, но раз так, то я уж на «газельке» один поеду, а Даня вас на пикапе повезет. Вы не сомневайтесь, Данька хорошо водит, аккуратно, без глупостей. Или вы хотите на своей машинке, а Даньку водителем наладить?

Конечно, в своей любимой машине ехать куда приятнее, но пускать за руль незнакомого юного парнишку как-то боязно.

– Нет-нет, – торопливо ответила Настя, – пикап вполне устроит. Вы сможете забрать меня из дома? Или мне лучше подъехать куда-то поближе к вам, где можно оставить машину на весь день?

– Заберем вас, не беспокойтесь. Вы же на Щелковском шоссе живете? Оттуда прямо на МКАД и выскочим, там недалеко.

И вот теперь Настя Каменская тряслась в стареньком, но очень ухоженном, идеально чистом пикапе, устроившись с ноутбуком на коленях на заднем сиденье. Уже почти полдень, кузов «газели» наполовину заполнен всякой всячиной, о предназначении которой Настя и не догадывается, а многих слов и вовсе никогда прежде не слышала. Вот что значит отсутствие опыта в таком деле, как ремонт... С предыдущими бригадами все было иначе, Настя смотрела на сумму, проставленную в смете, выдавала деньги и тут же, моментально выбросив все из головы, мчалась на работу, которая была куда интереснее, а потом расстраивалась и злилась, когда выяснялось, что деньги потрачены, а работа сделана не до конца, или с косяками, или не сделана вовсе. Теперь же выясняется, что существуют какие-то разные шпаклевки, и нужно решить, покупать ли ветонит в мешках по 25 кг или выбрать другую марку. После первой же точки, которую они посетили, у Насти голова пошла кругом от всех этих «грунтовок латексом», «заливки ровнителем», «настила подложки под ламинат», «разводки труб», «фильтров грубой очистки» и всего прочего. Она не разбиралась в марках строительного клея, кабелях, красках, эмалях, не могла ответить на вопрос, электрощит на сколько мест ей нужен, и чувствовала себя бесполезной и беспомощной. Деда-профундо, однако, ее растерянность нисколько не смущала, по-видимому, ему не впервой было иметь дело с несведущими заказчиками. Он спокойно и деловито объяснял разницу между товарами разных производителей, между марками и сортами, иногда добавляя:

– Качество очень хорошее, но расфасовка такая, что одного мешка на вашу квартиру не хватит, а если брать два, то очень много останется, и тут уж либо вам самой придется это продавать, либо деньги на ветер. Решайте сами.

Решать ей не хотелось. Ей хотелось работать и думать. Но еще очень хотелось довести до ума эту квартиру и обеспечить Лешке наконец приемлемые условия для жизни. Ему так часто приходится ездить в Жуковский, где расположен его институт, а ведь больше половины этих поездок связаны именно с тем, что дома ему негде поработать с аспирантами и сотрудниками. Ведь он мог поставить вопрос о том, чтобы им обменять квартиру и переехать в Жуковский, поближе к его институту, когда Настя вышла в отставку. В конце концов, он столько лет делал ежедневно огромные концы из дома на работу и назад, пока Настя служила на Петровке, так могла же она пойти на уступку, оказавшись пенсионеркой. Но Чистяков даже не заикнулся об этом, и Настя приняла его молчание как должное. Свинство какое! Эгоизм чистейший. Привыкла к Лешкиному благородству и считает, что никак иначе и быть не может. Теперь ей стыдно за саму себя и хочется хоть как-то искупить вину, ну хотя бы тем, что она организует ремонт сама, не втягивая в это мужа и не замусоривая ему мозги всеми этими флизелинами и плитками, и при этом постарается разумно распорядиться имеющимися деньгами, а не бездарно их профукать, как раньше.

Во время переездов от точки к точке Настя читала дело и делала заметки в блокноте. Радоваться пока рано, но, похоже, идея, пришедшая в голову вчера, во время разговора с Игорем Дорошиным, не такая уж глупая. И чем дальше, тем больше подтверждений находилось.

Выехали рано утром, и к четырем часам весь список покупок оказался «оптичен», что вызвало бурную радость бригадира.

– Теперь две-три недели можете отдыхать, – приговаривал он, любовно оглядывая содержимое кузова «газели», – и ни о чем не думать, все есть, всего достаточно, мы вас не побеспокоим. Работайте в полное свое удовольствие.

Она все-таки ухитрилась устать. Юный Даня действительно вел машину аккуратно, без всякого экстрима, строго по правилам, тут дед не обманул, но то ли машина старая, то ли покрытие дорог плохое, то ли сама Настя уже немолода... От тряски текст на экране прыгал, глаза начали болеть уже через два часа, записывать в блокнот на коленке, согнувшись в три погибели, было страшно неудобно, ныла спина. В общем, возраст – не радость.

Оказавшись дома, Настя разогрела и съела кусок пиццы, оставшийся со вчерашнего дня, выпила кофе, минут сорок не торопясь, с удовольствием пообщалась с мужем, который уже вернулся в гостиницу, но еще не лег спать. Ноющая тяжесть в глазах постепенно успокоилась, но спина еще побаливала. Впереди длинный вечер, хочется распорядиться им с умом, и снова пришлось разрываться между уголовным делом и переводом. «Я как та обезьяна из старого анекдота, – сердито подумала Настя. – И умная, и красивая, так что ж мне теперь, надвое разорваться?» Вовремя сданный перевод принесет деньги, но дело Сокольникова интереснее... «Нет, я не обезьяна, я Буриданова Ослица. Обезьяна по крайней мере возмутилась, то есть заняла активную позицию, а ослица так и не смогла принять решение и сделать выбор, потому и сдохла от голода. Или это была не ослица, а осел, мальчик?»

Но решение нашлось само: из-за боли в спине сидеть Настя все равно не могла и, чтобы не тратить время впустую, легла на пол, сунула под поясницу аппликатор с длинными толстыми иглами, взяла в одну руку распечатанные листы нудного договора на иностранном языке, в другую смартфон, включила режим диктофона и начала работать с переводом.

Боль от иголок утихла минуты через три, по спине стало разливаться приятное тепло, расслабляющее напряженные мышцы. Работа двигалась быстро, Насте все реже приходилось выключать диктофон и делать паузы, чтобы мысленно сформулировать наиболее адекватный перевод длинных юридических словосочетаний. Договор – штука ответственная, не то что художественная литература, никаких вольностей и неточностей допускать нельзя, а в области гражданского права Настя чувствовала себя не особо уверенно.

В начале десятого она поднялась на ноги, вышла на кухню, критическим взглядом окинула содержимое холодильника. Пицца – это, конечно, вкусно и бесппроблемно, но не в тех она годах, чтобы питаться ею каждый день. До добра такая диета точно не доведет. Опять же полезно сделать перерыв, пройтись, размять ноги, переключить голову. Она сходит в магазин, купит продукты, дома сделает тушеное мясо с овощами, чтобы завтра было чем пообедать с Петром. Мясо за ночь как следует пропитается, будет вкусно. Если получится, конечно. Готовить Настя Каменская никогда не любила и не умела, но в последние годы кое-что освоила, например, всеразличные каши и овощные супы, которые научилась варить весьма неплохо, пока жила с племянником, нажившим себе в юном возрасте кучу всяких болячек. Мясо с овощами – одно из немногих блюд, которые получались у нее, как правило, неплохо. Во всяком случае, Лешка

хвалил. Хотя, может, просто щадил ее самолюбие.

Выглянуть в окно она, по обыкновению, не потрудилась и ужасно удивилась, когда, выйдя на улицу, обнаружила, что идет дождь. Возвращаться домой за зонтом не стала, лень, накинула на голову капюшон легкой курточки и прибавила шагу. Настя старалась идти быстрее и к супермаркету подошла уже изрядно запыхавшись. Корзинку быстро заполнили баклажан, кабачок, помидоры, лук, морковь, чеснок, прозрачные пакетики с петрушкой, сельдереем, еще какой-то зеленью, которую Настя решила попробовать добавить в экспериментальных целях. Прихватила и сетку картофеля, на вид вполне симпатичного. Теперь мясо. Есть обычная говядина, а есть мраморная. Мраморная дороже, но, как правило, жирнее и вкуснее, более сочная. Кстати, можно и куриное мясо прихватить, на завтра потушить говядину, как запланировала, а в субботу сделать курицу в сметане, тоже несложно и почти гарантировано от ошибок. «С такой безрукой, как я, никто гарантий не дает, конечно, – с усмешкой подумала Настя. – Я могу даже чай испортить, если задумаюсь и уйду мыслями невесть куда. Но будем надеяться». Проходя мимо стоек с молочными продуктами, положила в корзину две банки сметаны, добавила несколько упаковок сладких творожков (себе на завтраки или ужины), двинулась в сторону кассы, но по пути прихватила еще печенье. Благородное изначальное намерение приготовить на завтра одно-единственное блюдо, причем весьма простое, обернулось в итоге двумя тяжеленными сумками. Быстрым шагом идти домой никак не получится, а дождь заметно усилился, и Настя приготовилась основательно вымокнуть. Впрочем, настроение от подобной перспективы у нее ничуть не испортилось. Ну, вымокнет, и что? Пока еще тепло, днем было около двадцати градусов, сейчас, пожалуй, градусов восемнадцать, не простудится. А даже если и простудится, что в этом страшного? Покашляет, почихает несколько дней, в присутственные места ей ходить не нужно, вся работа сосредоточена дома, никаких проблем.

На перекрестке остановилась, ожидая зеленый сигнал, до которого, если верить счетчику, оставалось еще 68 секунд. Там уже стояла галдящая группа подростков, все в темных куртках или толстовках, с накинутыми на головы капюшонами. Мимо неслись автомобили, и вдруг раздался бьющий по ушам скрежет: одна из машин резко затормозила, из-под колес метнулась и помчалась на противоположную сторону собака.

– Муся! – истошно завопил женский голос откуда-то из-за Настиной спины. – Муся! Стой! Стоять, Муся!

Водитель опустил стекло с пассажирской стороны, перегнулся через сиденье и проорал малоцензурную фразу, объясняющую его отношение к хозяевам, не следящим за своими животными и тем самым создающим аварийные ситуации на дорогах.

Самостоятельная Муся между тем никаких команд выполнять не желала и пулей помчалась по противоположной стороне подальше от перекрестка. Поток машин не останавливался, до зеленого сигнала оставалось еще 19 секунд, 18... 17... Хозяйка Муси безуспешно пыталась перебежать дорогу, бестолково металась и кричала:

– Муся! Ну поймайте же ее кто-нибудь! Она маленькая еще, ей полгодика всего! Муся!

Красный свет для автомобилей зажегся раньше, чем зеленый для пешеходов, но женщина не стала дожидаться, сразу же помчалась догонять и искать непослушную собачонку. Народу на перекрестке собралось довольно много, помимо группы подростков и самой Насти через дорогу шли еще человек шесть-семь.

– Щенков нужно держать на коротком поводке, – услышала она сзади приятный мужской голос. – Опасно отпускать их и оставлять без присмотра, особенно если они необученные и невоспитанные. Так и до беды недалеко.

Она была уверена, что мужчина разговаривает со спутником или спутницей, и сейчас раздастся ответная реплика, что-то вроде: «Конечно, это безобразие и безответственность», ну или что-нибудь в том же духе. Но услышала Настя совсем другое. Такое, от чего чуть не выронила сумки с продуктами прямо посреди проезжей части.

– Вы согласны, Анастасия Павловна?

Она вздрогнула, хотела обернуться, но... Перекресток был «для водителей», которым для проезда предоставлялось целых полторы минуты, а не для людей, вынужденных пересекать его почти бегом за жалкие 12 секунд. Рядом и сзади торопливо шагают люди, если остановиться с тяжелыми сумками и начать разглядывать тех, кто за спиной, ничего хорошего не выйдет. Настя ускорила, насколько смогла, и, достигнув тротуара, повернулась и впилась глазами в

пешеходов. Темно. Проливной дождь. У некоторых зонты, у большинства – низко надвинутые капюшоны, закрывающие лица. Кто из идущих сзади мужчин только что говорил с ней? Или это был не взрослый мужчина, а паренек лет 17–18 с уже сформировавшимся баском? Кто? Кто из них чуть замедлит шаг, слегка повернет голову в ее сторону?

Никто.

Впрочем, не так уж важно, кто именно произнес эти слова. Важно, что их произнесли. И адресованы они были, вне всякого сомнения, ей, Анастасии Павловне Каменской.

Сердце колотилось, ноги шли не очень уверенно. «Раньше я была покрепче, – с неудовольствием думала Настя. – И реагировала быстрее. Эх, возраст...»

Необученных щенков нужно держать на коротком поводке. Что ж, справедливо. Выходит, пока она сегодня моталась по строительным рынкам, мальчик Петя опять куда-то влез. Вот же неугомонный! Ведь только в воскресенье его вытаскивали из полиции за топорную попытку вступить в контакт с бывшим следователем Лёвкиной, и уже сегодня, в четверг, он снова наколбасил. Необучаемый, что ли? Или просто упрямый? Впрочем, некоторые называют это упорством и целеустремленностью.

Но влез он, судя по всему, к людям серьезным, умеющим быстро добывать нужную информацию. Мало того, что узнали, кто помогает Петру, так еще и адрес выяснили, и от самого дома проследили, улучили удобный момент на перекрестке. Оперативно сработали, за полдня всего, а то и меньше. Или не выясняли и не искали, а Петя сам по доверчивости и наивности все рассказал?

Ей не было страшно. Ей, Анастасии Каменской, ничто и никто не угрожает. Ей ясно, недвусмысленно дали понять, что ее подопечный сунулся куда-то не туда, и следует провести с ним разъяснительную беседу, дабы уберечь юное дарование от дальнейших неосмотрительных шагов, вот и все. Ладно, беседу она проведет, ей нетрудно.

Оказавшись дома, Настя сняла мокрые насквозь джинсы, закуталась в длинный халат, подвернула рукава повыше, до самого локтя, повязала сверху передник и принялась мыть и резать кубиками овощи. Сблaзн немедленно позвонить Петру

она легко преодолела. Какой смысл в воспитательных беседах, проводимых по телефону в десять вечера? Полный ноль эффекта. Пусть мальчик выспится, отдохнет, на свежую голову оно всегда лучше. Надо только не забыть завтра утром написать ему эсэмэс, чтобы пиццу не покупал. Конечно, в том случае, если Настя не наделает ошибок и задуманное блюдо получится достойным. Но это станет понятно только часа через полтора.

* * *

Встреча с адвокатом Елисеевым обескуражила Петра. Если с самого утра до назначенного времени визита журналист пребывал в радостном возбуждении, предвкушая ожившую сцену под названием «Рассказы старого адвоката», в ходе которых откроются самые тайные тайны и самые секретные секреты, то теперь, вернувшись в свою квартиру, он недоумевал: отчего он был так уверен, что разговор с Елисеевым станет прорывом в его расследовании?

Елисеев оказался болезненно тучным, килограммов под 200, немолодым мужчиной, с сильно отекающими кистями рук и очень толстыми пальцами. Петр сразу понял, что с клавиатурой компьютера он не справляется, поэтому и пользуется услугами помощников, которых в случае надобности консультирует устно. На столе рядом со смартфоном Петр заметил стилус. Ну понятно, на экране смартфона все еще мельче, куда уж ему попасть в нужную строчку или букву.

Адвокат передвигался медленно, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, смотрел хмуро, лицо его было недовольным. Конечно, трудно выглядеть радостным и быть приветливым, когда столько болезней и столько избыточного жира.

– Если ты, мальчик, надеешься, что я сейчас расскажу тебе что-то интересное, то зря, – злорадно произнес Елисеев.

– Но вы же согласились на встречу, разрешили мне приехать к вам, значит, вам есть что вспомнить, – робко возразил Петр, все еще не терявший надежды.

– Да мне просто скучно!

Смех адвоката прозвучал неприятно и как-то жирно.

– Ты же видишь, я болею, сижу дома уже давно, в судах выступать не могу, в консультации сидеть тоже не могу. Вот обзавелся пацанами-стажерами, они мне сайт сделали, вопросы принимают, ответы пишут под мою диктовку. Скучно. И денег мало. А тут ты нарисовался: новое лицо, свободные уши, дай, думаю, попользуюсь бесплатно, коль есть возможность. А ты небось губы раскатал, ждешь, что я тебе сейчас на Пулитцеровскую премию наговорю? Не жди, мальчик. Дела я не знал, хотя самого Андрюшу Сокольникова помню. Был у меня на побегушках, возил моих помощников, Витька и Кольку, на своей машине, когда надо было. Ну? Чего молчишь? Давай спрашивай, чего там ты хотел.

Петр был ошарашен. Не сказать, чтобы он в своей жизни так уж много общался с адвокатами, но определенное представление о такой фигуре у него все-таки сложилось. Правда, в основном из книг и фильмов, в которых эксплуатировались чаще всего три типажа: молодой неопытный энтузиаст-правдоискатель, циничный пройдоха зрелого возраста или старый умудренный жизнью профессионал. Все они, как правило, имели хорошие манеры и демонстрировали широкий кругозор. А этот... Жирный, огромный, неопрятный, хамоватый, грубый. Разве адвокат может быть таким? Говорила же Каменская: мы живем в мире иллюзий, все не то, чем кажется. Неужели она все-таки права?

Соглашаться и признавать правоту сушеной воблы очень не хотелось, поэтому Петр сделал вид, что все нормально и шансы на успех остаются.

– Не возражаете, если я включу диктофон? – деловито спросил он, усаживаясь в кресло напротив Елисеева, развалившегося на широком мягком диване с множеством подушек и подушечек.

– Валяй, – махнул рукой хозяин дома.

– Почему вы только один раз поговорили с Сокольниковым в следственном изоляторе и больше не участвовали в деле? Вас что-то испугало? Насторожило, может быть?

– Меня? – расхохотался Елисеев. – Испугало? Мальчик, ты вообще соображаешь, что несешь? Ты хотя бы приблизительно понимаешь, что такое девяностые годы и в особенности конец девяностых? Тебе сколько лет?

- Двадцать пять.

- Значит, ни хрена ты не знаешь и не представляешь. Выключай свой диктофон, я сейчас тебе правду буду рассказывать, она всем нормальным людям и без меня прекрасно известна, ты бы задницу-то оторвал от стула да почитал про те годы, прежде чем вопросы свои задавать. Молодежь, блин!

- Зачем же выключать? Пусть останется, вроде как лекция, - попытался возразить Петр. - Если я что-то упущу или забуду, всегда смогу переслушать.

- Выключай, я сказал, - неожиданно зло проговорил адвокат. - Я и про себя говорить буду, а ты потом опубликуешь то, что для других не предназначено. Не будет записи - не докажешь, что я это говорил, значит, я смогу подать на тебя в суд за диффамацию. А вот я свою запись сделаю, чтобы тебе неповадно было.

Он потянулся за смартфоном, зажал в толстых пальцах стилус и неожиданно ловко принялся нажимать на точки на экране.

- Ну? Выключил свою игрушку?

- Выключил.

- Точно?

- Честное слово. Хотите, я вообще телефон отключу, чтобы вы не сомневались.

- Ага, давай, отключай, - согласился Елисеев. - Других игрушек нет?

- Нет.

- Точно нет? Дай мне честное слово, что никакие записывающие устройства не включены и наша беседа носит чисто приватный характер. Все сказанное в ходе этого разговора является частной информацией, мы находимся в частном жилом помещении и не являемся должностными лицами, аудио- и видеозапись без моего согласия вестись не должна, и если она все-таки будет сделана помимо моего прямо высказанного желания, то никакой юридической силы иметь не будет. Ты это понимаешь, мальчик?

– Да, конечно.

– Повтори слово в слово, как я сказал, чтобы у меня на записи осталось, что я тебя предупредил и ты все понял.

Сердце Петра радостно запрыгало. Такие предосторожности могли свидетельствовать только об одном: сейчас Елисеев расскажет что-то невероятно важное, но не подлежащее разглашению. Что-нибудь о следователях Лёвкиной и Гусареве, которые ясно дали адвокату понять, что все уже решено и проплачено и процесс ему не выиграть ни при каких обстоятельствах. А может, даже напрямую угрожали ему, если начнет ставить палки в колеса и разоблачать фальсификацию.

Он старательно повторил вслед за Елисеевым длинную фразу, дождался удовлетворенного кивка адвоката и приготовился слушать и запоминать.

Однако Елисеев заговорил совсем не о том. Он начал рассказывать про теневые капиталы советского времени, которые приходилось тщательно скрывать и было почти невозможно потратить так, чтобы не спалиться. О борьбе с хищениями социалистической собственности и о подпольных производствах. О том, что в конце восьмидесятых стала меняться экономическая политика, и эти капиталы получили возможность выйти из тени на свет и заработать. Работали они хорошо и быстро, прибыль приносили огромную, особенно если свое сильное плечо подставляли партийные, советские и комсомольские функционеры, обладавшие и административным ресурсом, и связями. А там, где постороннему глазу открыты большие деньги, сразу появляется огромное число желающих эти деньги отнять и взять себе. Рубеж девяностых отметился колоссальным ростом и укреплением организованных преступных и просто бандитских группировок. Цифры, характеризующие преступность, резко скакнули вверх. Из очагов межнациональных конфликтов полилась река оружия. Милиция захлебывалась в потоке криминала, при этом зарплату получала нерегулярно. Дальше – больше: развал Союза, новая политика, новая экономика, новые законы, в которых мало кто может разобраться, стало быть, все те, кто хочет делать деньги и строить свой маленький, а то и большой бизнес, остро нуждаются в услугах юристов. Спрос на адвокатов огромный. Как результат – отток сотрудников милиции и следствия в сферу адвокатуры.

В те годы адвокаты были разными. Были юристы старой школы, но появились и новые, так называемые решальщики, задачей которых было выступить связующим звеном между криминалом и государством, договориться, занести конверт и решить вопрос. В качестве решальщиков лучше всего функционировали бывшие следователи и опера, одним из которых и был Елисеев. Ему в ту пору перевалило за 35, оперативные позиции в мире криминала удалось за годы службы построить крепкие и обширные, он понимал, что на государевой службе ему мало что светит, а работа на бандитов и бизнесменов (что в те годы было зачастую синонимом) принесет приличный куш. Новый закон об адвокатуре еще не приняли, все было организовано по-старому, и получить статус адвоката для Елисеева трудности не представляло.

Деньги стали появляться, жизнь налаживалась. Елисеев даже взял двух помощников, молодых резвых парней, Витю Самоедова и Колю Филимонова, чтобы посылать их с разными мелкими поручениями. Привезти, отвезти, купить кофе в офис, сдать пиджак в химчистку и так далее. Потом ему захотелось приезжать на встречи с клиентами и в суды на машине с водителем. Купил недорогую, но приличную иномарку и стал платить зарплату водителю. Потом услышал, как один из известных «криминальных» защитников небрежно бросил, дескать, сам он ездит на «мерине», конечно, но для выполнения разных поручений посылает другую машину с другим водителем. В тот момент это показалось Елисееву проявлением высшего шика, свидетельством невероятного успеха. А ведь этот известный адвокат-решальщик всего пять-семь лет назад просиживал штаны в следственном управлении и выглядел совершеннейшим замухрышкой в залоснившемся на локтях кителе и в стоптанных ботинках. Покупать еще одну машину и брать на зарплату второго водителя Елисеев пока еще не мог, но пускать пыль в глаза хотел и любил, да и не прожить было в те годы без этого. Он разрешил Самоедову и Филимонову привлекать в случае надобности своего знакомого Андрея Сокольников, который нигде не работал и имел собственный автомобиль, то есть был всегда свободен и на колесах. Платить ему разово, за каждую необходимую поездку. С Андреем Елисеев почти не общался, не его это уровень – с водилой своих шестерок ляссы точить, перекинулся несколькими словами, когда Колька Филимонов в первый раз привел Андрея пред светлые очи босса, а в дальнейшем только здоровался, если сталкивался с новым водителем.

Когда в один прекрасный день в начале осени 1998 года Витек Самоедов, смущаясь и запинаясь, заявил, что их водитель Андрей задержан милицией за что-то серьезное, Елисеев отмахнулся. Не до глупостей ему. Дефолт, банки рухнули, деньги пропали. И не только его личные, но и деньги многих людей,

которые исправно платили адвокату за различные услуги, как юридические, так и более приземленные, вроде проноса в следственный изолятор малявы или дури.

– Но я уже пообещал, что вы приедете, – промямлил Самоедов. – Там допрос, они будут ждать.

– Подождут, – оборвал его Елисеев. – Не до тебя сейчас, сгинь.

Сложное было время, что и говорить. Приходилось метаться по всему городу, обрывать телефоны, умолять кредиторов подождать, заставлять должников «вернуть немедленно», искать денежных клиентов, чтобы хоть частично восстановить утраченное. Через какое-то время, кажется, через день-другой, адвокат спросил у Самоедова:

– Что там с твоим приятелем? За что его повязали?

– За убийство.

– Деньги у него есть?

– У него – не знаю, вроде нет, но у родителей наверняка есть, они же тачку ему купили, значит, зубы не на полке, баблишко водится.

Это несколько меняло всю картину. Благосостояние нужно поправлять любыми способами. Если семья у Сокольникова богатая и они готовы заключить соглашение, то почему бы не заработать? Перспектива осуждения сына за убийство – штука нехилая, тут родители обычно патронов не жалеют и готовы платить, сколько скажут, только бы появилась надежда вытащить чадо ненаглядное.

– Свяжись с ними, пусть подъедут, я скажу, что нужно сделать. Оформим ордер, я схожу в тюрьму поговорю с ним, а там посмотрим.

Встреча с матерью Сокольникова вселила в адвоката определенные надежды. Он сразу понял, что женщина безумно любит сына и готова ради него понести любые материальные затраты. С ней будет легко справиться. С озвученной

Елисеевым суммой гонорара она согласилась сразу и безоговорочно, хотя цифру он заломил совершенно невероятную, такие гонорары запрашивали в те годы только самые именитые защитники и только по таким делам, где подзащитные являлись очень и очень крупными фигурами в мире бизнеса. Сам Елисеев за свои услуги получал обычно раз, наверное, в десять меньше. Но он решил пойти внаглую, иначе не выжить.

Встретившись с Андреем Сокольниковым в следственном изоляторе, он быстро понял, что на этом деле не наварить. Денег не будет.

- Ты знаешь, сколько стоят мои услуги? - прямо просил он.

И озвучил сумму.

- У меня нет таких денег, - покачал головой Сокольников.

- А у твоих родителей?

- У них тоже нет. Не знаю, почему они вам пообещали...

- Твоя мать что-то говорила о семейных реликвиях, которые можно хорошо продать. Ты в курсе?

Андрей пожал плечами. Но на лице его мелькнула тень недоумения и недоверия. «Врала мамаша-то, - подумал Елисеев. - Нет у них ничего. А если и есть, то сейчас хрен дорого продашь, ни у кого денег нет. Дадут максимум пять процентов настоящей цены, хорошо если не три. Сколько-то денег у них, конечно, наберется, по сусекам ради сыночка поскребут, в долги залезут, но то, что они реально смогут, меня не спасет. Мне нужен другой масштаб. С другой стороны, курочка по зернышку клюет и сыта бывает...»

Он задал Андрею еще несколько вопросов и понял, что ловить тут нечего. Парень написал явку с повинной, во всем признался. Следователь - Рита Лёвкина, с ней не забалуешь, она не лохушка какая-нибудь, которая наделает мелких ошибок, а на них потом адвокат исполнит свою пляску смерти. Рита умная баба, хваткая, тертая, муж-комитетчик ее в ежовых рукавицах держит, в том смысле, что любое ее сомнительное действие на службе моментально

ударит по его собственной карьере. Поговаривали даже, что служба собственной безопасности периодически постукивает этому мужу, мол, не мелькнул ли где хоть малюсенький намек на недобросовестность Маргариты Станиславовны. Ну, насчет службы собственной безопасности – это, конечно, Елисеев сильно сомневался, но, с другой стороны, дыма без огня не бывает. Короче, даже если у родителей Сокольниковых в шкафах пылятся невероятные сокровища, толку не будет, Рите не занесешь, сам сядешь быстрее, чем рот открыть успеешь. Да и пылятся ли они там, сокровища эти? Мать одета скромно, с вещевого рынка, волосы покрашены неумело, явно в дешевом салоне плохим мастером и плохой краской, на руках и в ушах никаких украшений, кроме самого простого обручального кольца, тоненького, какие в советское время носили. На что она рассчитывала, когда соглашалась платить столько, сколько затребовал адвокат?

И вдруг Сокольников огорошил адвоката неожиданным вопросом:

– А вы почему про деньги спросили? Разве финансовое положение семьи имеет значение для моего дела?

Елисеев подвоха не почуял и ответил сразу:

– Для дела значение имеет все, в том числе и квалификация защитника. Чем выше квалификация, тем выше гонорар. Как твоя семья намерена оплачивать мои услуги?

– Разве вы не будете защищать меня бесплатно?

В голосе Андрея адвокат услышат неподдельное изумление.

– Бесплатно? С какой стати, мальчик?

– Но... Я же работал на вас, я ваш сотрудник! Я для вас свой, а своим всегда помогают бескорыстно, разве нет?

Елисеев с интересом рассматривал сидящего напротив молодого человека, словно видел впервые. Видел-то он его и раньше, а вот так долго разговаривать пришлось и впрямь в первый раз. Любопытный экземпляр этот мальчик. С Луны

он свалился или еще откуда? Тот факт, что он периодически возил на своей машине внештатных помощников адвоката, был, оказывается, расценен им как полноценное и полноправное сотрудничество с самим адвокатом, который, конечно же, немедленно все бросит, откажется от сулящих значительные деньги дел, быстренько погладит шнурки и кинется тратить время и силы на то, чтобы бесплатно вытаскивать Сокольников из лап правосудия. Совсем обалдел, что ли? И где только он этих глупостей набрался?

Значит, вот почему мать так легко соглашалась на любую оплату... После задержания ей свидания с сыном, само собой, никто не давал, но прежде, пока он еще гулял на свободе, он, наверное, неоднократно говорил ей, что, мол, является сотрудником крупного влиятельного адвоката и в случае неприятностей его, безусловно, сразу же вытащат, помогут, все силы кинут и ни копейки не возьмут. Он же свой. Его любят, уважают, им дорожат. Мать поверила. Да и сам Андрюша, похоже, тоже верил в это. Идеалист? Или просто дурак?

Но из ситуации хотелось выйти красиво. Бывший опер Елисеев иллюзиями себя не тешил, место свое знал и понимал правильно, но всю жизнь стремился «производить впечатление» на всех подряд, даже на тех, от кого в его жизни не зависело ровным счетом ничего. Играл роли, притворялся, выпендривался. Иногда с вполне конкретной целью, а порой и просто так, интереса ради и по привычке. Можно было бы сейчас несколькими словами опустить наивного мальчика с небес на землю, объяснить ему, что выполнение функции таксиста никак не означает сотрудничества, но можно поступить и иначе, еще несколько секунд поиграв в настоящего юриста.

– Боюсь, не смогу принять на себя защиту по твоему делу, – важно проговорил Елисеев на прощание. – Дело очень сложное, сейчас начнутся постоянные допросы, выезды на место, очные ставки, присутствие защитника будет необходимо ежедневно, а я завтра сажусь в большой процесс, который будет длиться не меньше трех месяцев, и не смогу быть рядом с тобой, когда потребуется. Я поговорю с твоей матерью, объясню ей ситуацию и порекомендую другого адвоката, тоже очень хорошего.

Про большой процесс, в который он якобы садится, – конечно, вранье, не того полета птица адвокат Елисеев, чтобы его приглашали для участия в таких важных и сложных уголовных делах. Но, как говорится, сам себя не похвалишь – никто не похвалит. И это чудесное «тоже» к месту пришлось. Дескать, я, само

собой, очень и очень хорош, потому и занят так сильно, востребован, нарасхват просто, но есть и другие, не такие хорошие, но тоже подходящие.

– Что так смотришь, мальчик? – ехидно спросил Елисеев, заметив, что в этом месте Петр словно передернулся. – Тебя небось мама учила, что нужно быть скромным, что хвалить себя неприлично, а уж врать о себе и приписывать себе достоинства, которыми на самом деле не обладаешь, вообще крантец для нормального человека? Это всё только до перестройки работало, все эти этические принципы. А в девяностые знаешь как было? Врали все и обо всём. Что реклама по телику, что люди в разговорах. Поддай-ка мне во-он ту кожаную штуквину, которая сверху на Юридической энциклопедии лежит.

Он протянул огромную толстую руку в сторону стеллажа с книгами. Петр поискал глазами в указанном направлении и заметил темно-красную обложку.

– Эту?

Он осторожно прикоснулся пальцем к шершавой коже.

– Ага, ее самую. Давай сюда.

Под обложкой оказалось нечто вроде кляссера для марок, только плотные серые страницы организованы иначе, и вместо марок в них находились визитные карточки.

– Это моя коллекция, я ее четверть века собираю, – Елисеев с нежностью погладил красный переплет. – Официальная часть визитки – лицом вверх, а на обороте – неофициальная. Погляди, полюбопытствуй. Вот, к примеру, эта.

Он вытащил из держателя карточку и торжественно прочитал:

– Общество с ограниченной ответственностью «Прима Люкс», головной офис – Москва, Пречистенская набережная, дом... Захарьин Вячеслав Игоревич, генеральный директор. Звучит?

– Ну... да, звучит, – согласился Петр.

- Что такое адрес на Пречистенке - объяснять надо?

- Нет, я в курсе, я же здесь пять лет жил, пока в универе учился.

- А теперь, - Елисеев перевернул визитку лицевой стороной вниз и протянул Петру, - полюбуемся на этого генерального директора.

Петр взял карточку, на обороте которой была приклеена фотография такого же размера, как сама визитка. На фотографии пацан, едва вышедший из школьного возраста и имевший абсолютно идиотский вид, стоял, вальяжно облокотившись на сверкающий дорожный внедорожник. Причем по одежде и всему виду пацана было понятно, что такая машина никак и ни при каких условиях не может принадлежать ему. На лице - ни грамма интеллекта, одна только дурашливая, но горделивая ухмылка.

- Ну и как тебе? И этого дерьма было - ложку не повернуть. Зарегистрирует фирмешку из двух человек, он сам да бухгалтер, и бежит скорей визитки заказывать, себя гендиректором называет, а на обороте еще и на английском напишет, чтобы создать видимость, что его гнилая личность интересна иностранным партнерам. Смех один! А вот этого посмотри, тоже красавец.

Он протянул Петру другую карточку. Тоже генеральный директор, еще один головной офис, только уже на Котельнической набережной, а на фотографии лицо тяжелого алкоголика с мутными глазами и золотыми фиксами, приоткрытыми вымученной улыбкой.

- Этот тоже свою фирму создал?

- Да прям! - фыркнул Елисеев. - Этот за пару бутылок пойла отдал свой паспорт, чтобы на его имя фирму зарегистрировали, так поступали сплошь и рядом, когда настоящие имена и паспортные данные светить не хотели. Спасибо еще, если бутылками расплачивались или налом, это хоть по-честному, а зачастую просто украдут паспорт и регистрируют на него штук десять-пятнадцать юрлиц разных, владелец паспорта и не в курсе, живет спокойно. И с адресами поступали точно так же: сунут алконавту бутылку и регистрируют кучу фирм на его домашний адрес. Наше российское ноу-хау, его теперь даже за границей используют. Ты знаешь, что в Париже, например, торгуют адресами на Елисейских Полях для доставки почты? Платят денежки хозяину, указывают красивый адрес для

деловой корреспонденции, дают фуфло в глаза партнерам по бизнесу, дескать, офис на Елисейских – это вам не кот начхал, там квадратный метр столько стоит, что можете себе представить масштаб моего успеха и благосостояния. Европа теперь пользуется, а придумка наша, российская. Пока не появился в нашей стране интернет и не создали всякие информационные базы, доступные всем, кому надо, можно было такие схемы проворачивать – в страшном сне не приснится. Кругом царил сплошной обман, а проверять и разоблачать – долго и муторно, никто вязаться не хотел, проще деньги взять и нужную подпись поставить. Куда ни кинь – все сплошь директора, управляющие, менеджеры высшего звена, начальники департаментов, у всех красивые визитки на двух языках. «У меня свой бизнес!» Самые распространенные слова были в те времена.

Он бережно вложил карточку на место и закрыл альбом.

– Время больших денег и большого фуфла, вот что я скажу, – заключил адвокат. – Но Самоедову я потом вломил, конечно, чтобы язык не распускал.

– Самоедову? – переспросил Петр.

Смена темы прозвучала для него непонятно. При чем тут Самоедов? И почему он не должен был распускать язык?

– Ну да, – кивнул Елисеев, – он же вместе со мной в СИЗО приехал, следовательно разрешение на двоих дал. Но я его в допросную не взял, оставил в машине ждать.

– Почему?

Елисеев насмешливо посмотрел на него и покачал головой:

– Совсем ничего ты в той жизни не понимаешь, мальчик. Ордер в консультации выписали только на меня, потому что я адвокат. Самоедова я потом сам вписал, строчкой ниже, уж не помню, какие у меня в тот момент были соображения, не то Самоедов очень просил, не то я чего-то там запланировал. Давно это было, да и не важно. Я же не знал, что Риту Лёвкину поставят на это дело, с самого начала был другой, мальчишечка совсем, фамилию забыл, но мать Сокольникова мне ее называла, когда в первый раз приходила ко мне. Сказала, что

молоденький, фамилию эту я слышал впервые и решил, что неопытного мальчика я сделаю в полторы секунды.

- Гусарев, - тут же подсказал Петр.

- Может, и Гусарев, - равнодушно согласился адвокат, - не помню, из головы сразу вылетело. Короче, пришел я к нему, отдал ордер, он спросил, что это за помощник Самоедов, я наплел что-то очень убедительное, на какую-то статью Закона об адвокатуре сослался, якобы недавно измененную и дополненную, он поверил, разрешение на посещение в СИЗО выписал. О том, что создана бригада и что Лёвкина - старшая, я как раз от него и узнал, но ордер-то я ему уже отдал, назад не переиграть. Поэтому решил не рисковать и Самоедова на встречу с задержанным не тащить, хотя и мог бы. Понимал, что если Лёвкина прицепится, то такой хай начнется! Зачем мне этот головняк?

- И за что вы вломили Самоедову?

- Мальчик, - с досадой произнес Елисеев, - ты что, совсем ничего не понимаешь? Это сейчас я настоящий адвокат, хоть и не практикую давно, а тогда я был обычным решальщиком. Что видели мои шестерки? Что я выхожу из здания суда вместе с подсудимым, которого признали невиновным. Или что я встречаю у ворот СИЗО подследственного, в отношении которого дело прекратили. Что я захожу в нужный кабинет и выхожу, неся в зубах положительно решенный вопрос. Вот что они видели. Они знали, что я могу отмазать кого угодно, если захочу. Я в их глазах был всемогущ и всесилен. Разумеется, они знали, как дела делаются и как мир устроен, сами же курьерами между мной и братвой работали. Но то, что с их слов у Сокольникова возникли такие странные представления, это уж увольте. Что они ему наговорили такого, после чего он решил, что босс может всё, для него нет нерешаемых вопросов, мы - одна команда, и своих не сдают? Зачем болтали о конвертах, карманных прокурорах и пацанских понятиях? Сокольников - никто, водила наемный, таксист по факту. Базар, как говорится, надо фильтровать. Вот за это Самоедов и получил от меня по полной. На этом - всё, мальчик. Больше я к делу Сокольникова никакого касательства не имел.

Петр еще около получаса пытался задавать новые вопросы, но ничего не вышло, другой информации из Елисеева вытянуть не удалось...

Сидя дома за компьютером, Петр старательно записывал все, что удалось запомнить из разговора с адвокатом, и досадовал сам на себя. Как он мог забыть про вписанного в ордер помощника? Ведь вобла Каменская сразу обратила внимание на это и долго рассуждала вслух, как и почему так вышло. А он, Петр, не вспомнил. Если бы Елисеев сам не заговорил о выволочке, устроенной Самоедову, Петр и не спросил бы. Вот бестолочь! «Я не могу все помнить, – тут же принялся он оправдываться перед самим собой, – такой огромный массив информации, никто не удержал бы его в голове».

Однако считать день потраченным впустую он не собирался. Чехарда с адвокатами, на которую несколько раз обращала внимание Каменская, стала обретать первые примерные объяснения. Сокольников с самого начала был уверен, что «большой босс и его команда» без разговоров примутся его защищать и денег не потребуют, поэтому он настойчиво просит связаться с Самоедовым и Филимоновым, не соглашаясь на адвоката по назначению. Более того, он до такой степени был убежден, что ему не откажут в помощи по первому же свистку, что даже не счел нужным заблаговременно договориться со своими приятелями, предупредить их, что ему может потребоваться правовая помощь, и заручиться предварительным согласием самого босса принять защиту, ежели потребуется. Когда выяснилось, что мир не так прекрасен, как думал Сокольников, стало понятно, что нужно искать деньги на адвоката. Вероятно, свободных денег в семье и в самом деле не было, на то, чтобы их собрать, потребовалось время, примерно два месяца, в течение которых функции защиты законных интересов подследственного выполняли адвокаты по назначению, и услуги их оплачивались из государственного бюджета. Наконец родители Андрея Сокольникова, а скорее всего – энергичная мать, финансовый вопрос как-то решили и пригласили защитника, который и участвовал в деле уже до самого конца.

Ну и что в этом особенного? Да, ясность наступила, но ничего существенного для дела в этом нет. Ситуация самая обычная, житейская. Почему Каменская так прицепилась к ситуации с адвокатами? Вспоминает о ней каждый день, бормочет, что тут есть какое-то важное зерно, что-то нужное для понимания. Старая кошелка! Какое такое зерно ей нужно? Для какого понимания? Завтра Петр изложит ей всю картину, и она наконец успокоится. Может, даже похвалит его за красиво сделанный анализ ситуации. О встрече с Елисеевым Петр твердо решил умолчать. В конце концов, Елисеев сам сказал: то, что он рассказывает, известно каждому, кто жил в девяностые годы в России или изучал период.

На всякий случай Петр проверил, погуглил, кое-что просмотрел и убедился, что да, действительно, о беспределе девяностых годов доступно столько информации – годами читать нужно, и то не все успеешь. И про «решальщиков», и про сращивание правоохранительных структур с криминалом, крышевание, конверты с деньгами, которые в те годы стали называть «котлетами» – всё-всё можно было найти в интернете, было бы желание. Значит, вполне можно сделать вид, что он весь день читал, обдумывал и сообразил, чем объясняется ситуация с адвокатами. Для красоты можно даже приплести пресловутый дефолт 1998 года, вобла же сама о нем так много говорила, пытаюсь оправдать халатность следствия, а он, Петя, якобы уже сам сообразил, что это могло повлиять и на поведение адвоката. Пусть старушка порадует, ей будет приятно, может, добрее станет.

Глава 11

Пятница

На следующее утро он проснулся рано, не спеша позавтракал, попутно читая новости, отвечая на сообщения от друзей и знакомых, просмотрел ленты во всех сетях, где был зарегистрирован, написал несколько комментариев и около девяти утра собрался выходить из дома. Пришло сообщение от Каменской: «Пиццу можно сегодня не покупать, угощаю обедом». Петр расценил это как доброе предзнаменование. Вобла в хорошем настроении, даже еду сама приготовит, стало быть, шансы заслужить похвалу весьма высоки.

От метро «Щелковская» он шел пешком, бодро вышагивая по тротуару и радуясь теплой солнечной погоде. За все пять лет студенческой жизни в столице такой чудесной осени он не припоминал, да и сами москвичи утверждают, что подобного сентября на их памяти не бывало. О вчерашнем дожде напоминали подсыхающие лужи, но небо было таким голубым, а солнце таким ярким, что в недавнюю непогоду верилось с трудом.

Каменская встретила его приветливо, сразу предложила кофе и повела на кухню. Поставила на стол коробку с печеньем, чашки с кофе, села за стол, закурила.

– Как день провели, пока я занималась хозяйственными проблемами? – спросила она почти ласково.

Петр с энтузиазмом принялся излагать заготовленную историю своих изысканий в области «лихих девяностых». Вобла слушала с выражением благожелательности и даже заинтересованности, и он уже приготовился начать делиться выводами относительно ситуации с частой сменой адвокатов, когда лицо Каменской внезапно изменилось, стало холодным и каким-то чужим. От недавнего благодушия не осталось и следа.

– Петр, я не ваша мама, перестаньте устраивать на моей кухне бесплатный цирк.

Кровь бросилась ему в лицо.

– При чем тут моя мама? Я...

– Не надо, – жестко оборвала она. Вздохнула и повторила уже более миролюбиво: – Не надо. Будет только хуже.

* * *

Насте очень не хотелось всё это говорить. Но – видит бог! – она уже несколько раз пыталась действовать по-другому, более, так сказать, цивилизованно, более мягко, деликатно. Не помогло. Значит, придется бить по больному, иначе Петр так и не поймет. Нужно непременно добиться, чтобы он понял, иначе разгребать за ним придется ей самой. А она на роль героини не годится, у нее пожилые мама и отчим, у нее муж, да и она сама, в конце концов. Героем имеет право быть одиночка, у которого нет близких. Одиночка рискует только самим собой, его невозможно шантажировать, держать в узде, манипулировать им, угрожая причинить вред тем, кто ему дорог и кто не может сам себя защитить. Она, Анастасия Каменская, – всего лишь стареющая и слабеющая женщина с семьей. Если раньше, в годы службы, за ней стояла мощь государственной машины, пусть и ослабевшая в последнее десятилетие, то теперь, когда она уже давно в отставке, за ее спиной ничего и никого нет. Нет опоры, нет поддержки, нет защиты. Только пустота. Героизм с ее стороны будет банальной глупостью и самонадеянностью.

– Помните наш разговор о насилии молчанием? – начала она. – Люди, пострадавшие от такого насилия, становятся привычными лжецами. Это не упрек и не обвинение, это констатация факта. В их ситуации постоянная ложь становится единственным доступным им способом защиты и спасения. Применяемые в семье методы воспитания молчанием приводят к выстраиванию очень простой логической цепочки, начало которой мы с вами уже обсуждали: меня игнорируют – я не достоин – я ничто – мои мысли, чувства и желания не имеют значения. Припоминаете?

Петр молча кивнул, уставившись на коробку с печеньем.

– Идем дальше. В этом месте логическая цепочка раздваивается. Одна ветка получается простой, даже примитивной, доступной практически любому. Если я ничто и моя самооценка от этого страдает, то я буду стараться делать так, чтобы меня не игнорировали. Чтобы меня не игнорировали, я должен быть «хорошим», то есть соответствовать ожиданиям. Чего от меня ожидают? Чтобы я «делал» и чтобы я «был». С необходимостью делать, то есть поступать определенным образом, справиться проще. Просто делай – и всё. Убирай свою комнату, мой за собой посуду, ходи в магазин, когда родители просят, будь вежливым, учи уроки. Даже если не хочется. Ну, вы поняли, о чем я. С «быть» – намного сложнее. Мама, например, хочет, чтобы вы «были» тонким и глубоким и интересовались историей искусств. А вы хотите быть инженером-приборостроителем и работать на заводе. Папа хочет, чтобы вы «были настоящим мужчиной», занимались боксом и умели перебрать движок автомобиля. А вы хотите играть на скрипке или писать картины. Если есть внутренняя сила, чтобы пойти на конфликт и делать по-своему, вы делаете. Если ее нет, если вы не переносите конфликтных ситуаций, не справляетесь с ними, стараетесь их избегать, то вы начинаете притворяться и врать. Делаете вид, что вам безумно интересно изучать историю живописи или подставляться под удары в спортзале. Вы не смеете открыто заявить о своих желаниях, потому что с раннего детства усвоили: они не имеют права на существование. При этом вы прекрасно понимаете, что в самих желаниях нет ничего плохого, ничего порочного. Просто вы не смеете их иметь. Вы не достойны их иметь. Вы – ничто. По большому счету, вам совершенно нечего скрывать от родителей, вы никого не убили, не ограбили, не изнасиловали. Если бы вы пришли домой после того, как обворовали три квартиры, и на вопрос мамы: «Где ты был?» – ответили, что ходили с другом в кино, это была бы ложь абсолютно понятная и оправданная. Но если на вопрос, понравилась ли вам прочитанная книга, вы отвечаете то, что хотели бы услышать ваши родители, а не то, что вы на самом деле думаете, это и есть та самая ложь, которая выбрана в качестве средства защиты и стала

привычной. Вы не имеете права даже на собственные впечатления, вам важно соответствовать ожиданиям, чтобы на вас не рассердились и не начали снова игнорировать. Сначала вы привыкаете заранее продумывать, что и как сказать, чтобы не нарваться на неудовольствие. Потом вы начинаете скрывать все подряд, даже совершенно нейтральные и безобидные вещи, просто на всякий случай, потому что попытки предугадать реакцию занимают слишком много времени и сил, а чем старше вы становитесь, тем больше у вас других дел и забот, которыми занята голова, и уже не хочется тратить ресурс на то, чтобы подумать: а что будет, если родители спросят, а я отвечу вот так... или вот так... Как дела? Нормально. Хотя на самом деле все плохо. Как чувствуешь себя? Спасибо, хорошо. Хотя на самом деле болит и здесь, и там, а врач на днях сказал, что результаты анализов просто устрашающие. Но всё это касается исключительно вашей внутрисемейной жизни, стиля ваших отношений с родителями, и лезть в них никто не должен. Однако на этой хорошо вспаханной почве прорастает одна хитрая штука, которая выводит всю проблему за чисто семейные рамки. Она касается всей вашей жизни в целом. И, что гораздо хуже, касается или может с высокой степенью вероятности коснуться жизни третьих лиц. Упорная внутренняя борьба за поддержание собственной самооценки порождает неумное, почти патологическое стремление доказывать свою правоту. Всегда и во всем. И вот в этом месте таится огромная опасность, потому что это та точка, в которой сходятся два вектора: с одной стороны, привычка врать и скрывать, с другой – потребность в самооправдании и ощущении собственной правоты. Уловили, о чем я говорю?

Петр поднял на нее глаза, румянец уже почти сошел с его лица, высокий, с залысинами лоб прорезала морщинка напряжения.

– Не совсем.

– Ладно, скажу проще. Вчера поздно вечером некий незнакомый мужчина сказал мне, что вы своими действиями потревожили тех, кого тревожить не следует, и если я не приму меры и не начну жестко контролировать вас, то претензии будут предъявляться не только вам лично, но и мне. Из этого следует простой и очевидный вывод: вы очень сильно хотите доказать, что правы вы, а не я, поэтому вы тайком от меня продолжаете копать в направлении бывших следователей, но есть люди, которым это очень не нравится, и если что-то пойдет не так, расплачиваться придется мне и моей семье. Так что перестаньте, будьте так любезны, врать хотя бы мне. Давайте теперь с самого начала: где вы были вчера? Что делали? С кем говорили?

В глазах Петра плескался такой ужас, смешанный со стыдом, что ей стало жаль его.

- Хотите еще кофе? – предложила она. – Может, бутерброд сделать?

- Спасибо, не нужно, – выдавил Петр.

- Как хотите. А я выпью.

Она пила кофе и слушала рассказ о человеке, в среду вечером подсевшем к Петру в маленьком кафе и передавшем ему «заказ» на разоблачение Маргариты Лёвкиной и ее коллеги Гусарева; о том, как Петр обрадовался, как искал адвокатов и договорился о встрече с Елисеевым; о своем вчерашнем визите.

- Этот человек в кафе кем представился? – спросила Настя. – Имя назвал? Должность, место работы?

- Он никак не представился, – угрюмо ответил Петр.

- А вы его спрашивали?

- Я растерялся... не сообразил сразу, а потом он ушел... Все так быстро получилось...

- Понятно.

- Вам всегда всё понятно! – неожиданно вспыхнул Петр. – А у меня такое впервые в жизни! Да, я лопухнулся, растерялся, не спросил. Просто я не был готов, не ожидал ничего такого, сидел в кафе, жевал сэндвич, запивал пивом и думал о своем. И тут этот тип нарисовался. Думаете, я сам не понимаю? Я потом полночи переживал, клял себя последними словами. А теперь еще вы добавляете...

- Да перестаньте вы оправдываться, – мягко проговорила Настя. – Никто вас не обвиняет. В первые пять лет службы у меня много чего бывало в первый раз, и ни разу не было, чтобы я с первой же попытки поступала правильно. Всегда ошибалась и косячила. И ничего, мир не рухнул. Это нормально, а опыт дорогого

стоит. Идите в комнату, включайте свой ноутбук и ищите контакты офиса Лёвкиной, а я пока чашки помою.

Глупо было бы надеяться, что на официальном сайте окажется телефон, по которому можно связаться сразу с приемной или с секретарем Маргариты Станиславовны, но начав с найденного в интернете телефонного номера, Насте пришлось сделать всего лишь еще два звонка на другие номера, и вот уже в трубке звучит голос секретарши:

- Приемная, слушаю вас.

- Будьте добры, - сладким голосом начала Настя, - у Маргариты Станиславовны предусмотрены часы приема по личным вопросам?

- Вы - сотрудник? - осведомилась секретарь.

- Нет, я частное лицо. Но мне очень нужно лично переговорить с Маргаритой Станиславовной.

- Напишите ей письмо, электронный адрес компании указан на сайте. Письмо будет рассмотрено в соответствующей службе.

- Дело в том, что я ничего не прошу и мне ничего не нужно, поэтому писать письмо бессмысленно. Может быть, у Маргариты Станиславовны есть личный помощник?

- Разумеется, - в голосе секретаря зазвучала осторожность.

- Вы не могли бы соединить меня с ним? Я не прошу номер телефона, я прошу просто соединить. Это возможно?

- Я попробую. Как вас представить?

- Каменская Анастасия Павловна.

То ли секретарь была новенькой и еще не очень опытной, то ли по рассеянности не нажала на нужную кнопку, то ли такова была особенность имевшейся у нее

техники, но Настя слышала, как она звонила сначала по одному номеру, долго слушала длинные гудки, потом по другому, где тоже никто не ответил, потом по третьему, где ей ответили, наконец.

– Мила, Гусарев не у вас? Он ни на один телефон не отвечает, наверное, опять оставил в кабинете, вышел на минутку и застрял где-то. Ага... Ага... Спасибо, котик!

Гусарев, значит... Ну-ну. Может, не зря ходили разговоры об интимной связи следователей, назначенных вести дело по обвинению Андрея Сокольниковца? Если верить Елисееву, Гусарев был в девяносто восьмом году совсем молоденьким следователем, начинающим, а Лёвкина уже имела имя и репутацию, не говоря уж о суровом муже с погонами ФСБ, то есть была заведомо старше. Хотя кого когда это останавливало... Но тот факт, что Лёвкина и Гусарев до сих пор вместе, кое о чем все-таки говорит.

– Минуточку подождите, Геннадий Валерьевич вышел, когда вернется – я вас соединю.

– Да, спасибо.

Настя прикрыла ладонью телефон и шепотом попросила Петра поискать информацию о связке «Лёвкина – Гусарев». Журналист быстро застучал пальцами по клавиатуре, Настя терпеливо ждала.

– Есть совсем мало, – возбужденно заговорил Петр, но Настя прижала палец к губам, и он понизил голос. – Отдельных материалов нет, только упоминания вскользь. Вот, например: «С принципиальным следователем руководство расправилось так же, как за два года до этого уничтожило следователя по особо важным делам Лёвкину и старшего следователя Гусарева, отправивших на скамью подсудимых влиятельного банкира, который „заказал“ одного из своих конкурентов». Это самое внятное из всего, что есть. Все остальное только про Лёвкину в бизнесе.

Он собрался добавить что-то еще, но тут из трубки донесся голос секретаря:

– Геннадий Валерьевич, вам звончок на третьей линии. Каменская Анастасия Павловна... Нет, говорит, что частное лицо... Не знаю... Сказала, что ничего не

просит... Хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/drugaya-pravda-tom-2>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)